

ФИНАЛИСТ ПРЕМИИ COSTA BOOK AWARDS 2021

ОСТОВ

Можно ли построить
новый мир на костях старого?

Можно ли построить
новый мир на костях
старого?

18+

Можно ли построить
новый мир на костях
старого?

в переводе Ирины Новоселеской
Кейт Сойер

Кейт Сойер

Остов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70159036

Остов:

ISBN 9785005802934

Аннотация

Ник и Рут живут на берегу океана в острове кита. Их прежняя жизнь – с супермаркетами, авиаперелетами, круассанами и понятными проблемами – закончилась вместе со всем миром.

Они не знают, пережил ли кто-то глобальную катастрофу, и теперь, в мире после, им остается только выживать и вспоминать о мире до. Там у Рут была лучшая подруга и любимые родители, но еще – чувство одиночества, неустроенности и сложные отношения с разведенным мужчиной.

Стала ли ее жизнь после катастрофы хуже? Или, наоборот, смерть старого мира подарила им с Ником шанс действительно начать все с чистого листа...

Содержание

Пролог	5
1	10
2	20
3	26
4	35
5	45
6	53
7	62
8	69
9	80
10	89
11	102
12	111
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Кейт Со́йер

Остов

Copyright The Stranding

© Kathryn Sawyer 2021

© Новоселецкая И., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Эвер-бук», Издательство «Дом Историй», 2023

Посвящается Руби

Пролог

– По чему ты скучаешь? Из того, что было Прежде.

– По тостам.

– Да-а, хлеб. Свежий хрустящий хлеб.

Они оба затихают, лежат, не шевелясь.

Вспоминают.

Она чувствует, как тело ее обсыхает, влага, скопившаяся в ямочке пупка, улетучивается.

Сегодня на ней не осталось белого соляного налета, но она все равно чувствует, как кожа стягивается, морщится на солнце.

Дыхание ее выравнивается, пульс возвращается в привычный ритм. Отрывистый стук сердца и судорожные вздохи растворяются в звуках окружающего леса, подобно тому как с гладких камней испаряется озерная вода, накапавшая с их тел.

– По блесткам.

– По блесткам? – фыркает он.

Она пихает его локтем. Обнаженные тела соприкасаются. Он поворачивает голову и целует ее в плечо, извиняется за насмешку.

– А ты вернулась бы? Если б могла? Ради блесток, – с нарочитой беззаботностью задает он трудный вопрос.

Об этом она спрашивает себя каждый божий день, но от-

вета пока так и не знает.

– Наверное. Если бы ты поехал со мной.

Ее рука скользит по камню, нащупывает его руку. Их пальцы переплетаются, ладони смыкаются. Она чувствует жар, согревающий ее изнутри, как солнце – греет снаружи.

Открыв глаза, она закидывает вверх подбородок, чтобы видеть деревья позади нее. Разлапистые, с раскидистыми кронами, они протягивают во все стороны кривые ветки, которые образуют узор, напоминающий грудную клетку. Легкие земли, думает она, снова закрывая глаза.

Лучи солнца проникают сквозь тонкую кожу век, и мир вокруг кажется розово-сиренево-пурпурным.

Она сжимает его руку в своей, напоминая им обоим, что они вместе, в безопасности.

Разморенная на солнце после утренних занятий, она чувствует, как к ней подкрадывается сон, сознание туманится.

Вспоминает, как они провели день. Прогулка по лесу. Щебет птиц высоко в деревьях. Временами их голоса напоминали крики людей, глумившихся над ними. Ощущение полной свободы при погружении в глубокий прозрачный водоем.

Его ладонь обхватывает ее запястье.

Ее губы прижимаются к его голове, к впадинке за ухом.

Мысли плывут, теряют ясность. В сознание вторгаются грезы – волны, облизывающие песок.

Хвост: широкий, изогнутый, черный.

Нет, не черный – сине-зеленый. Сине-зеленый раздвоенный хвост разрубает воду?

Нет, сушу. Ударяет по земле.

Сине-зеленый раздвоенный хвост бьется о мокрый песок.

День клонится к вечеру, солнце опускается, скатывается с небосвода, отбрасывая тени ветвей на ее лицо.

Она плавает в озере, снова отдаваясь на волю грез.

Лежа на одеяле под яблоней, она читает книгу. Сквозь листву на нее падает пятнистый свет. Ей хочется побывать в неизведанных мирах. Раньше этот роман она не читала. Слова на странице расплываются, но она чувствует, что история будет интересной.

Шерстяное одеяло колется. Она сучит по нему ногами.

Переплетает свои пальцы с пальцами другой руки, лежащей на колючей шерсти. Рука, которую она держит, дарит ощущение надежности.

Ярко-розовое небо. Сиреневое, пурпурное, оранжевое.

На руках у нее младенец, влажный комочек новой жизни.

Слышно радио. Женский голос, стук ножа матери, что-то нарезающей на пластиковой разделочной доске.

Кто-то зовет ее.

Дочь?

Мама?

Мелодичный голос несется к ней с берега.

Маленькая головка запрокидывается вверх, смотрит на гигантский скелет, который висит над ними.

Крохотная ручка показывает на извивающийся силуэт в море.

Снова этот раздвоенный хвост необычного цвета. Хвост цвета морской глубины.

Пение.

Смех.

Вино льется в бокал. Неодобрительный взгляд кошки.

Свет, падающий сквозь листву, играет на страницах бесценной книги.

Она закрывает глаза. Возможно ли видеть сон о сне?

Ее снова зовут. Его голос.

Вечереет. Пора идти. Чья-то рука гладит ее по влажным волосам.

Она переворачивает страницу. Пусть зовут. Вот только дочитает эту главу.

Стремительный поток воздуха. Стон, до того отчаянный, что у нее щемит сердце.

Шум, который нельзя не услышать.

Над ней – белый остов. Хребет; широко распахнутые реберные дуги; челюсти, похожие на клещи; роговые пластины.

Кости кита немного светятся в темноте.

Она смежает веки. Думает: мой старый друг, мой дом, мое убежище.

– Спасибо.

1

Среди груды плавника на испещренном черными крапинками песке распласталось огромное существо.

Издалека оно похоже на гигантского слизня, греющегося на берегу, но, подходя ближе, Рут видит, что это млекопитающее. Теплокровное млекопитающее, которое дышит кислородом и даже имеет пупок, как и она сама.

Его размеры ошеломляют. Уставший мозг, да и глаза тоже просто отказываются это воспринимать. На секунду ей кажется, что у нее галлюцинации, но от чудовища исходит запах, который она почти чувствует на языке.

Она ехала сюда, чтобы посмотреть на это животное. С детства о том мечтала, представляла это мгновение, только не думала, что это произойдет при столь печальных обстоятельствах.

Рут торопливо идет к берегу. Мышцы отзываются болью, дыхание прерывистое. Животное до того огромное, что одним взглядом его не охватить. Ее глаза бегают туда-сюда, скользят по грациозному плавнику, лежащему среди стелющихся водорослей, по всему телу от рыла до хвоста и обратно.

«Размером с пару двухэтажных автобусов».

Сколько раз она это читала?

Кожа не синяя, как она всегда думала, а черная. Но не

глянцево-черная, как горячая смола, а с густым зелено-синим отливом – темно-бирюзовая.

Как напольная плитка в коридоре у Фрэн, думает она.

Кожа кита напоминает покрытую лаком растрескавшуюся древесину. Как на старом пианино. Ни дать ни взять прибитый к берегу гигантский рояль из бального зала потерпевшего кораблекрушение океанского лайнера. Длинное белое брюхо с бороздками, как на брусках пластилина. Участки кожи перламутрово-белого, бежевого, кремового цветов испещрены серыми, черными, кораллово-оранжевыми отметинами. Вокруг пасти и глаз тоже оранжевые пятна, похожие на ржавчину: размазавшийся в воде небрежный макияж.

Рут чувствует вибрацию теплящейся жизни: за ней наблюдают.

Теперь она замечает, что у животного открыт глаз. Он без ресниц, но есть в нем что-то знакомое. Черный зрачок обрамляет бело-желтая окаемка.

Совсем как у человека.

Кажется, что он смотрит, видит.

Ей хочется опуститься на колени рядом с животным и положить на него ладони в порыве... чего? Благоговения? Почитания? Священного трепета? Желание прикоснуться к животному непреодолимо.

Она хватается ртом воздух, грудь ходит ходуном. Мышцы, тугоподвижные от скопившейся в них молочной кислоты, протестуют. Нога подворачивается на песке, и лодыжку

пронзает боль – напоминание о том, как она недавно упала. Горло горит, саднит, во рту пересохло от жажды: уже несколько дней она не пьет вдоволь.

Рут отстегивает рюкзаки, те бухаются на песок рядом с животным.

Она в жизни не видела ничего прекраснее.

Неподалеку от ручья, пробивающегося сквозь камыши к океану, стоит пикап. В его ветровом стекле отражается нависшее над океаном розовое небо, водителя снаружи не видно.

Ник выключает радио и сидит, наблюдая за женщиной через окрашенное в розовый цвет стекло.

Огромный рюкзак сполз с ее спины, и он замечает, что плечи женщины шелушатся, – видимо, она слишком долго находилась на солнце.

Он наваливается на руль, наблюдая, как она наклоняется и роется в пакетах, выкладывая вещи на песок. Достает контейнер – пластиковую коробку с защелкивающейся крышкой: в таких обычно носят сэндвичи. Она снимает крышку, отбрасывает ее, содержимое коробки опрокидывает на зем-

лю и бежит к морю.

До воды добирается быстро.

Должно быть, ноги у нее длинные, хотя рост ее определить невозможно: рядом с китом любой человек кажется крошечным.

Откуда она примчалась?

Видно, что одежда ее намочила от пота. Волосы, местами золотистые, тоже влажные. Она собрала их на самой макушке, но несколько завитков выбились из пучка и теперь липнут ко лбу и шее, покрытым испариной.

С трудом присев у кромки берега, она зачерпывает контейнером воду. Ему понятно, что она задумала: пытается донести воду до животного, которое лежит на боку так непривычно далеко от океана. Определенно не профи.

Обычная туристка, радеющая за животных. Невольная свидетельница неизбежного конца.

Женщина бегом возвращается к гиганту, по пути расплескивая часть воды из маленького контейнера. Поравнявшись с глазом животного, она поднимает руку, чтобы вылить на него воду. Ник с удивлением замечает у нее под мышкой волосы, такого же оттенка, как на голове.

Одна из этих женщин.

Он вскидывает брови, бросает взгляд на розовеющее небо и, глубоко вздохнув, выбирается из пикапа.

Рут замечает человека и останавливается как вкопанная.
– Помогите! Пожалуйста!

Она снова бежит к морю, наполняет пластиковый контейнер водой. Слишком маленький. Может быть, у незнакомца в машине есть более подходящая емкость.

Она резко поворачивается, отчего живот пронизывает боль, и все так же бегом возвращается к киту.

Выливает воду из контейнера на сухой бок животного и кладет ладонь на его шершавую голову, почти у самого глаза.

– Держись, – шепчет ему, тяжело отдуваясь.

Потом устремляет взгляд на мужчину. Тот стоит, прислонившись к машине, руки сложены на груди.

– Да не стойте же как истукан! Помогите. У вас есть что-нибудь, в чем можно носить воду?

Он щурится, словно не понимает, что ему говорят.

Она качает головой, чуть прихрамывая, снова идет за водой и бегом возвращается к киту со своим импровизированным ведром.

Привалившись к капоту, Ник склоняет набок голову и смотрит, как женщина в очередной раз мчится к воде. Потом выпрямляется и идет к тому месту, где она разложила свои вещи. Наблюдает, как она обеими руками пытается удержать в равновесии контейнер, из которого все равно выплескивается соленая вода.

У нее за спиной алеет вечерняя заря, напоминая ему, что любое общение с этой женщиной абсолютно бесполезно. Бессмысленно. Пустая трата времени.

– Не помогает, да?

Она резко поворачивается к нему. Они стоят лицом к лицу. Непривычно для него, тем более что перед ним женщина. Значит, она высокая. Высокая и сердитая.

– Ну так что? У вас есть ведро?

Акцент. А раньше вроде не было.

– Вы пришли помочь мне? Или что?

Англичанка? Прекрасно.

Дыхание женщины обдает его лицо. Оно несвежее – видимо, она давно ничего не ела.

– Вы смотрели новости? – мягко спрашивает Ник, словно обращается к разъяренной кошке.

Она смотрит на него, выпятив подбородок, но на вопрос не отвечает.

– Вы британка, да?

В ее лице мелькает что-то необъяснимое.

– Мне жаль, – говорит он.

Тяжело дыша, она поворачивается и снова бросается к морю.

Он разглядывает ее вещи, что лежат вокруг него на песке. Небольшой рюкзак, сетка с апельсинами; лекарства, вываленные из контейнера, которым она зачерпывает морскую воду. Походный рюкзак тоже есть, набит битком, натянутые ремни трещат. С них свисают металлическая фляга, фонарь. С одной стороны к рюкзаку ремнями прикреплена палатка, с другой – свернутый в скатку спальный мешок. Под днищем – полотенце в пластиковом пакете.

– Вы путешествуете в одиночку?

Рут резко оборачивается, окидывает незнакомца оценивающим взглядом. Ростом она ему не уступает, да и в быстроте, вне сомнения, тоже. Но он значительно плотнее, крепче и, скорее всего, намного сильнее.

– Да. – Она переводит дух. Легкие горят, будто охвачены огнем.

Кит вдруг начинает шевелиться, вздрагивает всей своей машиной, с трудом поднимая в воздух хвост и плавники. И со всего размаху опускает их на мокрый песок. Раздается оглушительный треск, как при вспышке молнии. Вверх поднимаются фонтаны песчинок, сопровождаемые протяжным вздохом.

Ей больно слышать этот вздох.

– Ой, нет, нет! – визгливый вскрик Рут выдает ее панику. Она и сама слышит смятение в своем голосе. – Что нам делать? – спрашивает она у незнакомца, поворачиваясь к нему.

Ник встречает взгляд женщины, и выражение его лица смягчается.

– Мы уже ничего не можем сделать.

Он замечает, что глаза ее немного воспалены. Края век, обрамленные длинными загибающимися ресницами, покраснели, как будто их долго терли.

– Поверьте, я хотел бы помочь. Но мы можем только ждать, быть с ним рядом.

Женщина по-прежнему смотрит на него, в ее взгляде отчаяние.

Ник физически ощущает исходящее от нее горе, и это мучительно, невыносимо.

Он опускает глаза и носком ботинка медленно выписывает на песке восьмерку. Ну как подобрать верные слова? И все-таки лучше сказать хоть что-нибудь, пусть и невпопад, чем промолчать.

– Сочувствую вашей утрате.

Она не станет плакать, нет времени на слезы. Кусая губу, Рут тоже опускает взгляд, затем закрывает глаза, стараясь дышать медленно. Ноздри ее чуть раздуваются.

– Мне не нужно ваше сочувствие. Мне нужна ваша помощь.

Мужчина улыбается, точнее – кривит губы в подобии улыбки. Такое впечатление, что ему все равно: словно он пытался улыбнуться, но потом передумал.

– Даже если бы у нас с вами были большие ведра... нет, не так... даже если бы у нас с вами была большая лодка или целых пять лодок, это ничего бы не изменило. Ему уже ни-

чем не поможешь.

Рут чувствует, как ноги ее слабеют, и она с глухим стуком плюхается на песок.

– Почему это происходит? Это ведь так... несправедливо.

Кит, словно вторя ей, издает стон. Пронзительно-утробный скрип, подобный скрежету днища судна о камни. Смиренный всхлип умирающего существа, отдающегося в объятия смерти.

– Нет.

Рут подскакивает к киту, садится на корточки перед его глазом.

– Останься со мной, прошу тебя. Не покидай меня, пожалуйста.

Кит испускает последний судорожный вздох. Из его дыхла, словно пар из чайника, вырывается струя воздуха. Глаз, лишь чуточку меньше головы Рут, стекленеет. И жизнь в нем гаснет.словно штору задвинули на окне.

Рут смотрит, затаив дыхание. Затем падает на колени и лбом прижимается к обезвоженной шкуре кита.

2

С тех пор как Рут нашла местечко, народу в баре прибавилось. Она смотрит на вход, но его загораживают галдящие биржевики из Сити в костюмах разных оттенков серого. Какой-то молодой парень в костюме и галстук набекрень задом задевает ее левую руку, так что правой ей приходится упереться в сырую кирпичную стену, возле которой она сидит. Она немного оттесняет его, высвобождая для себя чуть больше пространства, и продолжает читать, положив книгу так, чтобы на нее падал скудный свет.

Кто-то хватается за спинку стула, который стоит с другой стороны от ее столика.

– Простите, я жду бойфренда. – Она лишь немного приврала. Он ей не бойфренд, как бы Рут ни нравилось это определение. Любовник, скорее. Я жду любовника? Фу, ужасно звучит.

Рут вежливо улыбается девушке, которая хотела утащить стул. Та отвечает ей натянутой улыбкой и ковыляет прочь, все еще надеясь найти в переполненном зале стул, чтобы присесть и унять жжение в стопах.

Рут пригубливает вино. Она заказала бокал, рассчитывая, что Алекс выберет бутылку чего-нибудь необычного – такого, о чем она не думала, такого, что на вкус как «персик», или как «камень, когда его лизнешь», или с «ароматом све-

жевспаханного поля». С некоторых пор ей стало нравиться вино, и это каким-то образом неразрывно связано с ее непреодолимым влечением к нему.

Наконец Рут замечает Алекса в море серо-угольной толпы. Из-за велосипедного шлема его волнистые волосы прилипли к голове. Озабоченно морща лоб, он ищет ее среди посетителей бара, вытягивает шею, потирая грудь ладонью. Эти несколько секунд до встречи доставляют ей истинное удовольствие, ведь у нее есть возможность понаблюдать за ним, вспомнить его лицо, насладиться реакцией собственного тела на его приближение.

– Алекс, – окликает его Рут. Она чуть приподнимается из-за столика, складывая пальцы правой руки в приветственном жесте.

Он находит ее глазами, и лицо его светлеет. Она снова опускается на стул и смотрит, как он, широко улыбаясь, пробирается к ней сквозь толпу.

– Фу, ну и тягомотина! – Алекс падает на стул напротив нее. Смотрит на свои наручные часы. – Прости, дорогая, раньше уйти не мог. – Он берет бокал Рут и, сделав большой глоток, одобрительно произносит: – Хорошее. Соаве?

Она кивает, наблюдая, как он задирает свой бежевый джемпер, под которым на нем серая футболка, немного влажная под мышками. Пока он стягивает джемпер через голову, она вдыхает его запах. От него пахнет стиральным порошком, теплом и свежестью.

– Я заказала бокал. Не знала, захочешь ли ты остаться.

Алекс пододвигает к себе меню и начинает листать его, изучая.

– Выпьем здесь бутылочку, потом к тебе? – спрашивает он. – Совсем допоздна задержаться я не могу, но и спешки никакой нет. У нее посиделки с сестрой.

Рут оглядывается через плечо. Все еще никак не привыкнет к тому, что они сидят вдвоем в людном месте, совсем недалеко от его жены и спящих детей.

Сначала их свидания проходили в условиях полнейшей секретности. Где-нибудь на улице, в запертом туалете на вечеринке, в роскошном номере отеля, в ее наскоро прибранной квартире, в ресторане среди иностранцев. Но с недавнего времени они перестали так осторожничать, решив, что всегда можно выдать свидание за случайную встречу.

Иногда, просыпаясь по утрам, она ужасается: они же ведут себя как подростки, прячутся, хитрят. При этом она не настолько ослеплена страстью, чтобы не понимать: свидания украдкой усиливают остроту ощущений. Она никому о нем не рассказывала. Так непохоже на нее. В неведении пребывали даже те, с кем обычно она делилась самыми непристойными подробностями своих любовных походов. Ей хотелось уберечь то, что есть между ней и Алексом. И совершенно не хотелось, чтобы кто-то, как бывает в таких случаях, насмешливо закатывал глаза, донимал ее якобы добрыми подколками, указывал на его недостатки, пусть даже «для

ее же блага», и уж тем более выражал свое возмущение из-за его семейного положения. Она стремилась сохранить свежесть взаимного влечения. Мнение посторонних непременно разрушило бы идиллию.

– У меня ничего нет на ужин.

– Значит, бутылку здесь, потом – к тебе, – решительно кивнул он. – Я не есть к тебе прихожу.

Позже они до последнего будут валяться вместе в ее постели, а по дороге домой на велосипеде он заскочит в местный супермаркет и купит себе сэндвич. Жалкая замена ужину из трех блюд, которым, как уверена его жена, он наслаждался в компании «норвежского гостя».

– Где ты как бы находишься сегодня вечером?

– Какая разница? Я с тобой. Давай поговорим о тебе, это куда интереснее.

Алекс кладет меню на стол и, не отводя взгляда от ее лица, вскидывает руку, привлекая внимание официантки. Заказывает апельсиновое вино.

– Оно вовсе не из апельсинов, называется так из-за цвета. Видишь? – Алекс держит бокал над свечой, чтобы пламя озаряло янтарную жидкость. – Такой цвет получается в результате ферментации виноградного сока вместе с кожурой.

Вино не сразу производит на нее должное впечатление. Оно одновременно душистое, терпкое и слегка игристое, чем-то напоминает вкус фруктового салата, который долго хранили во вздувшемся пластиковом контейнере. Но, пока

они с Алексом беседуют и он расспрашивает ее о работе, смеется над ее рассказом об утренней поездке в электричке (кроме нее во всем вагоне была лишь одна пожилая супружеская чета, и старики почему-то решили сесть за один с ней столик, и только оголтелое упрямство помешало ей пересесть на другое место, в результате она целый час тряслась в поезде с зажатой ногой), Рут начинает понимать, что этот необычный ферментированный сок все-таки воздействует на ее чувства и способность мыслить здраво.

Он не целует ее, пока они вместе с его велосипедом не садятся в черное такси, направляясь на юг, в Дептфорд, в ее квартиру. Каждый раз, когда они целуются, Рут переживает три фазы: изумление (Зачем этому *мужчине* целовать такую *женщину*, как она?), утрату чувства реальности (Это ее рука или его? Они в машине? Какой сейчас год?), чисто животное вождение. До знакомства с ним она редко позволяла себе растворяться в чувствах. Теперь ей плевать, что на них кто-то смотрит, плевать на возможные последствия. Она хочет одного – быть с ним, как можно скорее, со всем исступлением страсти. Сила этого чувства поражает ее каждый раз,

когда они встречаются, каждый раз, когда его губы касаются ее губ.

Они у нее дома. Он сидит на краю кровати, натягивает футболку. Пресыщенная, она лежит на спине, влажные простыни сбились у нее в ногах.

– Когда мы снова увидимся? – Пальцем она проводит по кромке ремня на его джинсах, из-под которых выглядывает край трусов.

Вздыхнув, он ложится на подушку рядом с ней, гладит ее по щеке, взглядом впитывая каждую черточку ее лица. Говорит:

– Я уйду от Сары. Так уже нельзя. Я должен уйти от нее.

Прежде об уходе от жены он не заикался. Рут замирает, задерживает дыхание, боясь всколыхнуть неподвижный воздух.

– Ты примешь меня? – спрашивает он.

Она зарывается пальцами в кудри на его макушке, приближает к нему свое лицо, нежно кусает его за левое ухо и шепчет:

– Да. Да.

3

Рут сидит, привалившись спиной к киту. Каждая косточка в ее теле ноет от изнеможения. Закрывая глаза, она чувствует, как проваливается в сон, но потом – толчок, и она вспоминает: вряд ли теперь она когда-нибудь сможет заснуть.

Жаль. Она всегда любила поспать.

Она поднимает усталые веки и понимает, что не одна. У своих ног на песке она видит ботинки мужчины. Она и забыла, что он рядом. Глаза все еще жжет от слез. Она обращает на него взгляд. Высокий, плечистый, широкоскулый, с бритой головой. Грудь и руки в татуировках, выглядывающих из-под футболки.

Ник смотрит на женщину. Груда конечностей на песке. На верхней губе – слизь. Она вытирает рот краем футболки, обнажая мягкий округлый живот. На пупке отметина от пирсинга.

Он отводит глаза, подходит к киту и кладет на него руки.

Кожа под его ладонями еще теплая – напоминание о том, что эта жизнь только-только угасла. Ему становится грустно.

– Кит лежит здесь несколько дней. – Он убирает руки с животного и вытирает их о джинсы. – Мучительная смерть. Им предназначено жить в воде.

– Я просто пыталась сделать хоть что-нибудь, – вздыхает Рут. – Чувствую себя совершенно беспомощной.

– Не вы одна.

Рут охватывает гнев.

– Почему ему позволили умереть? Почему сюда не бежался народ, чтобы помочь? Я думала, здесь все любят китов. Думала, их считают священными животными!

Мужчина фыркает. Его фыркание можно было бы принять за смех, если бы не выражение его лица.

– Ну-ну. Н-да. Полагаю, народ посмотрел новости, посоветовался с предками и решил, что надвигающийся апокалипсис важнее.

Рут краснеет от смущения. Она его оскорбила.

– Простите, – извиняется она, глядя прямо в глаза мужчине.

Тот кивает и отводит взгляд.

– Давно вы в Новой Зеландии?

– Со Дня подарков ¹.

– А-а. – Он потирает рукой бритую голову. – Сочувствую.

Рут смотрит на своего случайного знакомого. Он не намного старше нее – ему, должно быть, едва за сорок. И он тоже выглядит усталым и печальным.

– Что передают в новостях? Вы упомянули новости.

– Вопрос времени, говорят.

Ник садится на песок рядом с женщиной. К запаху, исходящему от кита, примешивается запах ее пота. Не неприятный.

Он достает мешочек с табаком, бумагу, сморщенный комок марихуаны и принимается скручивать сигарету.

– Не возражаете? – Он приподнимает мешочек с табаком.

– Да пожалуйста, – улыбается Рут. Раньше она такого не делала. И ее это устраивает. – Можете и меня угостить. Почему бы и нет. Почему бы не отключиться под кайфом?

¹ День подарков – второй день Рождества (26 декабря), когда принято дарить подарки, в том числе прислуге, почтальону и т. д. – *Здесь и далее прим. пер.*

Из двух листиков бумаги Ник аккуратно скручивает сигарету в форме буквы «Т», сделав фильтр из боковины картонной пачки.

Они сидят в молчании, наблюдая, как небо приобретает все более насыщенный розовый цвет.

– Это было бы красиво, – она показывает на алеющее небо, – если бы это был не... сами знаете... конец.

Он прикуривает сигарету.

– Да, жуть.

– Не то слово.

Он протягивает ей сигарету, она берет ее, глубоко затягивается, задерживает во рту дым и затем выдыхает.

– В Англии есть поговорка: «Если небо красно к вечеру, моряку бояться нечего». – Она прыскает.

Ник забирает у нее сигарету.

– Ну, моряки, по крайней мере, счастливы.

Ее смех перерастает в гортанный хохот, и Ник, сам того не желая, невольно подхватывает его.

Рут расслабилась, горе притупилось. Последние дни боль она носила как мантию. Сигарета с марихуаной несколько

уняла ее, теперь воздействие земного притяжения ощущалось чуть меньше.

Сейчас, когда все силы не уходят на то, чтобы не поддаваться отчаянию, она позволяет себе пойти на поводу у любопытства.

– Вы не хотите быть со своей семьей?

Ник проводит ладонью по щетине на голове и сквозь сомкнутые губы выпускает ровную струю дыма.

– У меня никого из родных не осталось. Впрочем, в этом я не одинок, так ведь?

– Пожалуй.

Он предлагает ей сделать последнюю затяжку, но Рут отказывается. Они сидят и слушают плеск волн.

– Кстати, меня зовут Ник.

– Рут.

Она смотрит на тушу кита, которая лежит рядом с ними. Та похожа на огромный камень, словно выросший из песка на берегу во время давнего землетрясения, изменившего рельеф планеты. Или на метеор, врезавшийся в песок при падении, – на один из многих, что некогда дождем сыпались на землю, заставляя динозавров искать укрытия.

– Думаете, кит понимал, что он умирает?

– Да кто ж его знает.

Ник зарывает окурок в песок и смотрит на небо.

– Вам страшно?

– Конечно. А вам разве нет?

– Как будто не осознаю полностью. Кажется, сюр какой-то. Думал, люди придут спасать кита. Хотел сделать снимки. Потом продать их кому-нибудь. А тут никого. Тогда-то до меня и дошло. Это конец. Думал, буду тут один с китом.

– А тут еще я нарисовалась.

– Выходит, что так.

Он начинает пофыркивать: снова смеется.

– Вы чего?

– Да вспомнил, как вы со своим контейнером бегали туда-сюда, расплескивая воду. Сам не знаю, зачем с вами заговорил... Другой не стал бы.

Рут со стоном закрывает лицо руками. Если б кто-то сказал ей, что при таких обстоятельствах можно испытывать стыд или смущение, она рассмеялась бы этому человеку в лицо. Но, увы, никуда не денешься: она сторает от стыда.

– Нет, вы правы. Я понимаю. Просто смешно было.

Ник встает и кладет ладони на кита.

– Теплый еще.

Он обходит Рут и идет к голове животного. Бережно обеими руками опускает веко на его глазу.

– Величественный зверь.

– Больше, чем пара двухэтажных автобусов.

Ник поворачивается и идет к своему пикапу. Открывает дверцу, достает что-то из него. Когда он захлопывает дверцу, Рут видит, что на шее у него висит фотоаппарат. Он подносит его к лицу и нацеливает объектив прямо на Рут. Она

чувствует на себе его взгляд. В животе у нее екает, хотя она уверена, что это фото вряд ли кто-то увидит. До нее доносится щелчок затвора. Щеки вспыхивают румянцем.

– Вы меня фотографируете?

Ник опускает камеру, показывая глаза.

– Да. Вас вместе с китом. Это...

Ему никогда не удавалось внятно объяснить, почему он делает те или иные снимки. Просто знает, что должен это сфотографировать. Свои объекты он выбирает не глазами. Это происходит на уровне чувств, ощущений. Бывает, воздух какой-то особенный, или свет, или атмосфера беседы. Случается, он чем-нибудь занимается, чем-то абсолютно обыденным, и вдруг хватается за фотокамеру. На этом и была построена вся его карьера фотографа.

Ник подходит к Рут и, присев на корточки, показывает ей дисплей своего цифрового фотоаппарата.

– Вот, смотрите.

Рут моргает, стараясь сосредоточить взгляд на экране.

В кадре четко видна только голова кита. Вся остальная туша утопает в розовом сиянии. Сама Рут там же, где сейчас, рядом с гигантским плавником кита, смотрит прямо в объектив. Выглядит она изнуренной, но, как ни странно, производит интересное впечатление.

Фотография восхитительна.

– Вы отличный фотограф.

– Более или менее.

Он снова подносит камеру к лицу. Щелкает затвор, запечатлевая ее лицо крупным планом. Ник встает и идет к рылу кита, ритмично щелкая фотоаппаратом, потом фотографирует темнеющее небо.

Рут замечает, что дрожит. Солнце почти полностью скрылось, холодает. Она поднимается с песка. Спина и ноги ноют от усталости. Кожа на плечах натянулась и горит, хотя сама она мерзнет. Рут достает из рюкзака тонкий свитер, надевает его. Протасив голову через горловину, она замечает, что Ник снова держит ее в объективе, и вскидывает руки, заслоня лицо.

– Извините, но у вас очень интересное лицо. – Он опускает фотоаппарат.

– У меня очень усталое лицо.

Он грузно садится на песок рядом с ней. Рут перекладывает рюкзак.

– Потому и интересное. Спать будете?

– Вряд ли. А вы?

– Нет. Лучше еще один косячок выкурю. Составите компанию?

Рут улыбается ему, и он достает из кармана мешочек с табаком. Поджигает ноги по-турецки и смотрит на кита, на море справа от них.

Она кладет руку ему на плечо, и он цепенеет.

Опираясь на него, постанывая, Рут с трудом опускается на землю.

Сворачивая сигарету, он все еще ощущает на плече отпечаток ее холодной ладони.

4

Рут идет по улице в горку, тащит за собой тяжелый чемодан. Руки в перчатках потеют от напряжения. Впереди она видит Фрэн. Та, прислонившись к капоту автомобиля, что-то смотрит в телефоне. Увлеченная своим занятием, она даже не замечает приближения подруги, хотя колесики чемодана громко дребезжат по неровному тротуару. Рут наблюдает, как Фрэн склоняет голову набок, надувает губы или морщится, оценивая то, что видит в телефоне, и проводит пальцем по экрану в одну или другую сторону. Руки ее оголены, рукава футболки подвернуты до самых плеч.

– Пальто надень, чокнутая!

Голос Рут отчетливо разносится в зимнем воздухе. Фрэн поднимает глаза от телефона и сдвигает на лоб солнечные очки.

– Это ты чокнутая. Я по твоей милости спала всего три часа.

Рут смеется в ответ.

– Значит, хорошо гульнули? – Преодолев с чемоданом последние шесть метров, она останавливается рядом с кабриолетом.

– Не то слово, подруга!

Они обнимаются. Рут улавливает запах перегара, который не заглушили ни зубная паста, ни духи, хоть Фрэн и поль-

зуется духами с очень густым ароматом. Обычно, услышав его, Рут всегда оглядывается по сторонам, ожидая увидеть поблизости подругу.

Фрэн смотрит на ее багаж.

– А ты, я вижу, налегке. – Она с трудом поднимает чемодан в багажник машины. – Что у тебя там? Твой бывший?

В последние годы поездки домой для Рут такое же событие, как и само Рождество.

Плейлист они составляли вместе: Мэрайя Кэри, Крис Ри, Эрта Китт, – и, выехав на шоссе А406, обе с удовольствием подпевают. Но, когда выкруливают на автостраду М11, уменьшают громкость и спорят о том, зачем Рут включила в список The Pogues.

– Нет, в самом деле. Не понимаю!

– А ты попытайся!

Фрэн подмигивает и отпивает кофе, который Рут купила ей на заправке.

Последние двадцать миль Рут сомневается, разумно ли было садиться в машину к Фрэн: та почти не касается руля, в одной руке у нее кофе, другой она яростно жестикулирует и при этом еще умудряется, не сбавляя скорости, обгонять грузовики. Рут постоянно напоминает подруге, чтобы та смотрела на дорогу, но Фрэн не терпит поделиться с ней ужасами пережитого вечера.

– Начало было вообще абзац. Нас рассадили не по отделам, и я оказалась за столом среди незнакомых людей. Моя

соседка разговаривала с закрытыми глазами. Блин, как же это раздражало!

– У нас на работе есть один парень. Так вот он всегда смеется, когда что-то говорит. Я – ему: «Все нормально, Бен?» – а он: «Ха, да, ха, отлично, ха-ха». С ума можно сойти.

– Наверно, носит рубашки пастельных тонов и занимается альпинизмом.

Рут лишь улыбается в ответ, не отрывая глаз от дороги в надежде, что Фрэн последует ее примеру.

– Так он тебе нравится! – Фрэн смотрит на нее поверх темных очков.

– Нет, у меня пока перерыв.

Рут понимает, что скоро придется рассказать подруге об отношениях с Алексом. Выдумка о затянувшемся уже на полгода обете воздержания с каждым днем кажется все более несуральной. Фрэн еще в школе говорила ей, что не обязательно после разрыва с одним парнем бросаться в объятия другого, но Рут никогда не расставалась с очередным бойфрендом, пока не найдет новый объект влюбленности. Теперь ей ясно, что с помощью этой поспешно сочиненной лжи она подсознательно рассчитывала получить одобрение подруги. Лучше бы она говорила Фрэн, что каждый раз у нее свидание с новым парнем. Это звучало бы куда убедительнее. А своей побасенкой о полном отказе от мужчин она лишь загоняет себя в угол. Ну почему она совсем не умеет врать? Ведь всем известно: лжи скорее поверят, если гово-

рить правду, слегка изменив второстепенные детали, чтобы скрыть собственные прегрешения.

Рут косится вправо – проверяет, смотрит ли на нее Фрэн.

– В самом деле?

В животе у нее екает.

– Смотри на дорогу!

Фрэн выравнивает машину, а у Рут сердце заходится в груди, к лицу приливает кровь. Разумеется, ей не хочется угодить в статистику предрождественских аварий, но на самом деле этот выброс адреналина связан с тем, что в очередной раз при общении с лучшей подругой у нее получилось уклониться от разговора об Алексее.

Почему ей так страшно сказать: «Я познакомилась с одним парнем, и на этот раз все серьезно»?

Со скоростной магистрали они съезжают на более узкое шоссе. Приближаясь к родному городку, где прошло их детство, они все чаще видят здания по сторонам дороги, застройка становится плотнее. Вечереет. Бескрайнее серое небо восточной Англии темнеет. По обочинам зажигаются оранжевые огни. На дорожных указателях – знакомые назва-

ния.

Рут и Фрэн планируют завтра, в канун сочельника, встретиться в одном из любимых ресторанчиков. Такая у них традиция: обязательно выпить по бутылке вина, чтобы пережить предстоящие три дня, когда вырваться от родственников никак не получится.

– Энн и Джим здоровы? – Фрэн подруливает к обочине возле украшенного к Рождеству дома в георгианском стиле, где живут родители Рут.

– Давай зайдем, сама спросишь.

– Ха! У меня свои родители есть. А еще братья и все их орущие отпрыски.

– Ты же любишь племянников.

– Особенно невесток. – Фрэн содрогается: бр-р-р.

– Какая приятная светская беседа.

– На следующий год я останусь на Рождество дома, в Лондоне. Пусть тебя кто-нибудь другой сюда везет.

– Ладно.

– Нет, правда. Выросли мы уже из этих глупостей. Передай от меня привет своим.

Рут машет вслед огням удаляющегося в темноту автомобиля и обещает себе, что завтра обо всем расскажет Фрэн. Отрепетирует заранее и расскажет.

Она поворачивается к родительскому дому и расплывается в широкой улыбке, видя, как дверь распаивается и на пороге появляется ее мама в запачканном мукой переднике с

красными оленями.

В своей лондонской квартире Рут живет уже почти десять лет, но ей так и не удалось воссоздать уютную атмосферу родительского дома. Почему-то в ее гостиной всегда холодно, как будто она подготовлена к постановочной фотосъемке. Рут пыталась украшать ее ковриками, дополнительными подушечками, предметами искусства. Но все равно чего-то не хватало. Может, особого запаха? Она купила свечу в сосуде из черного стекла, для создания эффекта открытого огня, но в конце концов пришла к выводу, что у нее никогда не получится наполнить квартиру запахом домашнего тепла, каким пропитан дом ее родителей.

Она бросает вещи у подножия лестницы и с наслаждением вдыхает этот запах.

Папа сидит за столом на кухне. В очках отражается синий свет от планшета, в котором он что-то читает.

– Приехала! Как дороги, детка? Машин много? – Он не встает из-за стола, но планшет выключает. Снимает очки и откидывается на спинку стула.

– Много.

– Ежегодный исход, – заключает Джим. – Ну что, девочки, чайку или джину с тоником?

За время с ее последнего приезда мама перекрасила стены ее детской спальни в симпатичный горчичный цвет. Свежая краска скрыла пятна от плакатов, которые Рут старательно развешивала, когда жила здесь: фотографии парней в клетчатых рубашках и без рубашек, взиравших на нее со стен по ночам, пока она спала. Из ее детства сохранился только один плакат – гигантский анатомический рисунок синего кита, животного, которым она была одержима с малых лет. Часами просиживала над книгами о китах, а потом за столом на кухне пересказывала родителям интересные факты. Вы знали, что погружение кита в море называется «ныряние»? Вы знали, что китовый жир стали использовать в лампах для освещения магазинов, чтобы они могли работать после наступления темноты? А вы знали, что в годы Первой мировой войны из китовой ворвани делали бомбы? А вы знали, что из китовой ворвани делают губную помаду? И маргарин?

В школе она постоянно собирала подписи под петициями с требованием запрета китобойного промысла, так что от нее

все стали шарахаться. Ее импровизированные лекции в столовой не привлекали к ней друзей, но Фрэн ее поддерживала, даже согласилась вместе с ней целый год копить карманные деньги, а накопленную сумму направить в «Гринпис» в поддержку кампании «Спасти китов». Но вскоре после этого у Рут проснулся интерес к мальчикам, и ее увлечение китами поугасло.

Энн вставила рисунок с китом в рамку, и теперь он висит на стене над комодом. Сам комод и платяной шкаф тоже изменились: Энн их подремонтировала, перекрасила в тон стенам. Но под слоем краски – все та же дубовая мебель с зазубринами, мебель ее юности, в которой до сих пор хранятся памятные вещицы из ее прошлого.

Рут ложится на свежестыранное пуховое одеяло, включает телефон. Сообщений, как обычно, нет, но во «Входящих» под заголовком «Сегодня вечером» электронное сообщение. Алекс пишет, что позвонит в 10 вечера. Он пойдет гулять с собакой родителей жены, и они смогут поговорить без посторонних ушей. Через пять часов она услышит его голос.

Небо за окном совсем черное, лишь мерцает несколько звездочек. В Лондоне она порой вообще забывает об их существовании. Рут выключает лампу у постели, и вся спальня погружается в темноту.

Закрыв глаза, она слушает звуки родного дома. Трубы скрипят – значит, включилось центральное отопление. Пи-

канье, возвещающее о начале выпуска новостей по радио, голос диктора. Родители возятся на кухне, прямо под ней. Мама поливает пирог сахарной глазурью, папа спорит с ней, обсуждая то, о чем бархатным голосом рассказывает диктор.

– Ты очень меня огорчаешь, Энни, очень. Мы не суем нос в чужие дела. Они же грубо нарушают Женевскую конвенцию.

– Джим, скоро Рождество. Неужели нельзя на три дня забыть о политике, а?

– Энни, но меня это беспокоит.

Рут слышит, как открывается и захлопывается дверца холодильника. Затем папа с шипеньем открывает банку пива.

– Очень беспокоит.

– Лучше спроси у дочери, не хочет ли она пирога с изюмом? В половину по телику будет рождественская викторина. Мы могли бы посмотреть ее вместе, пока не приедут остальные.

Рут слышит, как отец что-то бормочет себе под нос, затем поднимается по лестнице, стучится к ней в комнату. Она закрывает глаза, притворяясь, что спит.

– Рути?

Дверь со скрипом открывается.

– Я хочу немного отдохнуть, папа.

– Ладно, но потом спускайся и упакуй красиво подарки. Пусть будет как в прежние времена: ты в углу что-то напеваешь, а мы потягиваем сливовую настойку.

– Через пять минут.

Дверь с тихим щелчком закрывается.

Рут открывает глаза.

Пожалуй, нужно сказать им про Алекса именно сейчас.

Тетя и семья ее кузена придут примерно через час, так что на разговор у них будет не больше сорока пяти минут.

Рут лежит на коврике, который принес из пикапа Ник, и, мотая головой из стороны в сторону, наблюдает, как звезды оставляют за собой шлейф на небосводе. Песок под ковриком поскрипывает.

– Я в полном улете.

– Я тоже.

Они оба опять смеются.

Он задевает рукой ее ладонь, и она рефлекторно стискивает его пальцы. Жест такой интимный, что оба перестают смеяться.

Щетинки ковра колют руку. Она чувствует, что ее ладонь начинает потеть. Они лежат и смотрят на полную луну в вышине. У нее появился розоватый оттенок, и звезды вокруг меркнут от ее ослепительного сияния.

– Я вот думаю... – начала Рут и осеклась.

– Ты думаешь?..

– Да. Возможно, нам осталось жить всего несколько часов или минут. Знаешь, что все говорят? Что отвечают люди, когда у них спрашивают: «Что бы вы сделали перед самым концом света?» – Рут не поворачивается к нему.

Он молчит.

Замер.

Не шевелится, но руки ее не выпускает.

– Многие сказали бы: «Занялись бы сексом с тем, кто рядом». – Рут не сводит взгляда с розовой луны.

Слышит, как дыхание Ника становится более глубоким.

Ощущает на своей руке тепло его неподвижной ладони.

Держа Ника за руку, она поворачивается на бок и смотрит на него. Луна освещает его профиль. Его глаза закрыты. Он облизывает губы, и они блестят в падающем на него лунном свете.

– Ты один из этих людей?

Рут протягивает к его лицу левую руку. Указательным пальцем обводит его черты – линию волос надо лбом, две вертикальные морщины между темными бровями, выступы носа, мягкие губы, подбородок и, наконец, шею до самой впадинки над ключицей, где скачет пульс.

– Я хочу заняться с тобой сексом.

Он поворачивает к ней голову, открывает глаза, оценивающе смотрит на нее.

– Ты под кайфом.

– Да.

– Расскажи про свою семью.

Она убирает руку с его шеи, отпускает его ладонь и снова перекачивается на спину. Сквозь пелену дурмана ощущает острую боль.

Мама.

Папа.

Фрэн.

Все.

Глаза ее наполняются слезами. Она чувствует, как они струятся по щекам и стекают к ушам.

Теперь он трогает ее лицо. Вытирает слезы, но они продолжают капать, несмотря на все его усилия.

Он привлекает ее к себе, сжимает в объятиях, позволяя ей выплакаться. Наконец она переводит дух.

– Извини, просто я...

Она шмыгает носом в рукав флисовой куртки, надетой поверх ее бесполезного тонкого свитера. Это его куртка.

– Так ты это серьезно?

Она закрывает лицо ладонями.

– Да ладно тебе. Никто же не пострадал. А если честно, я не уверен, что смог бы. Только не принимай это на свой счет.

Она улыбается ему. На ее верхней губе блестит сопля.

– Кто бы мог подумать, что конец света я буду встречать с единственным парнем, которому не хочется заняться сексом в последние мгновения жизни.

– Думаю, таких, как я, гораздо больше, чем тебе кажется. А если серьезно, это сейчас ты лапочка, а еще совсем недав-

но бегала туда-сюда, поливая водой несчастное животное.

Он подмигивает ей, и ее обволакивает тепло. Она расслабляется.

Ник забавный, добрый.

Как хорошо, что он не поддался на ее провокацию. Она слегка постукивает по тыльной стороне его ладони – благодарит за то, что не дал ей выставить себя дурой.

Черту они переступили и теперь лежат молча, прислушиваясь к дыханию друг друга и рокоту прибоя.

– Как думаешь, это правда? Конец света?

– Не знаю.

Рут садится на коврик и смотрит на простирающийся перед ней океан. Кромка горизонта подернута розовым светом.

– Смотри.

Ник тоже садится и обращает взгляд туда, куда она показывает пальцем.

– Светает?

– Не думаю.

Рут вскакивает на ноги, не отводя глаз от горизонта. От выкуренного в голове невообразимая легкость. Ее пошаты-

вает.

– Это оно?

Розовая полоса на небе ширится. Теплый бриз ласкает ее лицо. Зарево разрастается. Рут смотрит, словно замороженная, не в силах отвести глаза.

Потом содрогается, будто в отвращении: что-то подсказывает ей, что нужно бежать от этого света. Она хватается Ника за руку, дергает, заставляя подняться с песка.

– Бери вещи. Неси их к киту. Живо!

Ник выполняет ее указание, наблюдая, как она мчится к киту. Рывком поднимает с земли старый коврик, быстро надевает на плечи рюкзак Рут. Бежит следом за ней, сгружает все у рыла кита.

Она пытается раскрыть огромную пасть в оранжевых отметинах.

И тогда его осеняет: рычаг. Им нужен рычаг.

Он кидается к пикапу, роется в кузове, ищет за запасной шиной.

Только бы найти.

Он снова рядом с Рут, орудует монтировкой.

Одну сторону его лица омывает лунное сияние, вторую озаряет жгучий розовый свет.

Она слышит, как Ник, побряхтывая, приподнимает верхнюю губу кита и обнажает стену длинных сочлененных роговых пластин.

– Держи.

Рут наклоняется, принимая на себя вес верхней губы кита.

Она тяжелая, но удержать можно. Словно поднимаешь громоздкую портьеру вроде той, что в театре закрывает сцену. Занавес? Кажется, так это называют.

Под ее руками Ник вставляет монтировку под китовый ус – фильтрующие роговые пластины, охраняющие доступ к пасти кита.

Рут начинает потеть. Ветер с моря становится теплее, и она чувствует, как кожу лица щиплет от усиливающегося жара розового сияния.

Ник теперь полностью освещен. С помощью монтировки ему удастся приподнять верхнюю челюсть и просунуть обе руки под китовый ус. Одной рукой он берется за верх пасти, второй – за низ и начинает ее раздвигать.

Из темноты пасти исходит горячий смрад. Они же там задохнутся, думает Рут, испекутся насмерть.

– Бросай туда вещи.

– Что?

Рут отпускает губы и помогает Нику раздвигать челюсть.

– Залезай!

Он орет во все горло, силясь перекричать вой ветра. Лицо его лоснится от пота.

Она хочет сказать, что это безумие, но смотреть на него уже не может: свет слишком яркий.

Горячий ветер обжигает кожу, опалает, словно огнем.

И она подчиняется.

Бросает во мрак пасти свои рюкзаки и заползает на мягкий влажный огромный язык животного. Кажется, что она лежит на горячем мокром матрасе. Запах чудовищный – одуряющая соленая гниль мусорной ямы. Над ней дугообразный свод пасти кита, в которой можно не только сидеть, но и стоять во весь рост.

Рут поворачивается к Нику.

Его губы шевелятся, но она его не слышит. Зажимает уши ладонями в тщетной попытке приглушить пронзительный свист.

Ник тоже заползает в пасть и изнутри опускает верхнюю челюсть, отгораживаясь от розового сияния. Их окутывает мрак.

Ее одежда пропитывается теплой влагой с языка кита.

В пасти жарко, нестерпимо жарко.

Они сварятся, думает Рут. Задохнутся, а потом сварятся.

Нужно выбраться отсюда. Глупая была идея.

А потом, в темноте, она чувствует, как Ник накрывает, придавливает ее своим телом, выжимая из ее легких воздух.

Она делает вдох, и ей кажется, что от вкуса, появившегося во рту, ее вот-вот стошнит.

Ник обхватывает ее руками и крепко держит. Его голова находится прямо над ее головой.

Невообразимо громкий шум. Ей кажется, что у нее вот-вот полопаются барабанные перепонки.

– Закрой глаза.

Его голос раздается прямо у ее уха. Он вынужден кричать, чтобы она услышала его сквозь сверхъестественно жуткое завывание.

Рут закрывает глаза, зажмуривается.

Вой внезапно стихает. Их обволакивают мрак, безмолвие, сырость.

Она чувствует на себе тяжесть крепкого теплого тела Ника.

Потом в мертвой тишине сквозь плотно стиснутые веки она видит его над собой. Его лоб, линию подбородка. А за ним, озаренные извне ослепительно белым светом, какого она еще не видела, вырисовываются кости кита, образующие арку над ними, – каркас из хребта и ребер над их сплетенными телами.

6

– Если вы еще и это все съедите, у вас не останется места для картошки!

Голос матери едва слышен в гвалте, заполняющем гостиную.

Работая на кухне, Рут тихо напевает себе под нос – мурлычет рождественские гимны со службы, которую они недавно смотрели по телевизору. Услышав шаги Энн, она умолкает. Даже стоя спиной к матери, Рут чувствует, как меняется атмосфера на кухне, когда та входит из холла. Энн на мгновение останавливается на пороге, а затем идет к раковине за спиной Рут и сгружает туда опустошенные детьми деревянные миски, в которых были чипсы.

– Ну и обжоры!

Это первые слова, прозвучавшие между ними за последние сутки. Расценив это как шаг к примирению, Рут поворачивается к матери.

– Значит, нам достанется больше жареного пастернака, раз они уже набили животы чипсами.

Вскинув брови, Энн подносит к губам хрустальный бокал с белым вином и делает большой глоток. Ее взгляд направлен мимо Рут на начищенную морковь, которую дочь нарезает ровненькими колечками и отправляет в пароварку.

– Ну вот, а я собиралась ее нашинковать.

Рут смотрит на разделочную доску на выложенной плиткой поверхности рабочего стола в маминной кухне. Осталось только две морковки.

– Прости. Я просто хотела помочь.

– Да.

Энн надевает рукавицы-прихватки, наклоняется и открывает духовку. По теплой кухне разносится аппетитный аромат запекающегося мяса.

– В самый раз.

Захлопнув духовку, она снимает со лба запотевшие очки и вытирает стекла о край передника. Затем включает газ на плите, кладет в пароварку остатки нарезанной моркови, проверяет, достаточно ли в кастрюле воды, и ставит овощи вариться.

– Пойду папе помогу. – Рут вытирает ладони о фартук и уже собирается выйти из кухни, когда Энн вскидывает руку, прося дочь задержаться.

Она прислоняется к столу.

– Рут, я не хочу ссориться с тобой, тем более в Рождество. – Энн осушает свой бокал.

– Я тоже, мама.

– Я просто хочу, чтобы ты поняла, почему мы с папой расстроены.

Протяжно вздохнув, Рут берет бутылку с вином и снова наполняет бокалы.

Какое-то время они молча стоят друг напротив друга: Рут

– у одного стола, мать – у другого. Из коридора доносятся крики четырех мальчишек. Они состязаются с отцом, матерью, бабушкой и двоюродным дедушкой в какой-то словесной игре.

– Рут, мы ходим одного: чтобы ты была счастлива.

– А я счастлива, мама. Впервые за много-много лет я могу честно сказать: я счастлива.

– Это ведь так неожиданно, Рут. Конечно, мы ждали, что ты с кем-то познакомишься. Мы ведь не слепые, знаешь ли. Мы сразу поняли, что у тебя кто-то появился. Ты стала редко бывать у нас. «Походка у нее пружинящая», – заметил отец, когда ты была здесь в прошлый раз. Но как-то это все слишком быстро. С нами он не познакомился, а уже переезжает к тебе. Это нетипично даже для квартирантов. Нам они хотя бы рекомендации предоставляют.

– Мама, Алекс не собирается снимать у тебя жилье.

– Разумеется. И поэтому возникает еще один вопрос. Почему этот человек, с которым мы даже не знакомы, должен бесплатно жить в твоей квартире?

– Он будет вносить свою долю, мама. В любом случае это наши с ним дела.

– Наверняка он уже выплачивает ипотеку. И ему придется финансово обеспечивать своих детей. С какой стати мы должны оплачивать его ошибки?

– Мама.

– Дорогая, ты должна понимать: этот человек, этот взрос-

лый, зрелый мужчина, он всюду в выигрыше, с какой стороны ни посмотри. Я не сомневаюсь, что он любит тебя. Как тебя можно не любить? Ты чудесная, замечательная. Но ты должна признать, он нашел удачный выход из затруднительного положения. А если б он влюбился в девушку, родители которой не помогли ей купить квартиру почти в центре Лондона? Ему пришлось бы искать собственное жилье. То-то и оно. Ему пришлось бы взять на себя ответственность. А он вместо этого намерен присосаться к нам, использовать тебя в своих интересах. И это при том, что мы с ним даже не знакомы. Это подозрительно. И у тебя он тоже должен вызывать подозрения.

– Тебе он понравится. Вот увидишь.

– Маловероятно, дорогая. Еще и занимается непонятно чем...

– Мама, да все там понятно. Он работает в неправительственной организации!

– Порядочный мужчина не бросил бы жену и детей ради молодой женщины. Порядочные мужчины так не поступают. Это подло и низко.

– Мама, ему только сорок три года, так что «связался черт с младенцем» – это не про него. Да и я из возраста Лолиты вышла лет двадцать назад.

Их внимание отвлекает внезапное шипение на плите.

Закипевшая вода в пароварке находит выход из кастрюли и белой пеной выливается на огонь. Уклоняясь от летящих в

нее шипящих брызг, Рут спешит сдвинуть кастрюлю с горячей конфорки и выключает газ. Шум прекращается, в кухне снова наступает тишина. К аппетитным ароматам праздничного ужина теперь примешивается неприятный запах жженого крахмала.

Энн натянуто улыбается в знак примирения.

– Давай не будем портить друг другу ужин. Мне бы хотелось, чтобы мы снова были друзьями. Попроси отца прийти помочь мне. А ты, пожалуйста, проследи, чтобы все помыли руки, и расседи их за столом.

За ужином Рут налегает на алкоголь. Допив белое вино, которое она потягивала еще в кухне, с удовольствием принимает бокал шампанского, а затем наливает себе и «Риоху» – вклад кузена в праздничное застолье. Вино этой марки она видела в супермаркете: приятное, но ничего особенного.

– Вином наслаждаешься, Рут?

Олли, заметив, что она изучает этикетку на бутылке, самодовольно улыбается ей. Она показывает ему язык.

Кузен всего на год старше ее. В детстве они были большими друзьями. Она гордилась, что ее принимали за его

родную сестру. Обычно лето они проводили вместе и, когда она возвращалась в школу после каникул, Фрэн смеялась над своеобразным акцентом, который появлялся у Рут после долгого общения с кузеном. Но потом Олли встретил Андреа, они поженились, детишек нарожали. Теперь Рут виделась с ним только на семейных торжествах и каждый раз не могла отделаться от ощущения, что они с кузеном принадлежат к разным поколениям. Пусть она работает с детьми, но ей никогда не понять, зачем кому-то заводить четырех собственных. Она всего-то полчаса сидит между детьми семи и пяти лет, но даже после почти двух бутылок вина не рискнет пообещать, что не воткнет вилку в чью-нибудь мельтешащую руку, чтобы прервать их безумное верещание.

Отец, заметив ее недовольство, подмигивает ей через стол.

– Привыкай, Рут. Скоро у тебя появится своя готовая семья!

За столом мгновенно воцаряется тишина.

Уму непостижимо, как во всеобщем гвалте, да еще увлеченные своими разговорами, все умудрились расслышать именно эту фразу.

– Готовая семья? – нарушает молчание ее тетя, сестра отца.

– Ты с кем-то познакомилась? Наконец-то! – Андреа поднимает бокал, чувствуя Рут.

– Не все так просто. – Чувствуя, что краснеет, Рут подли-

вает себе вина.

Глубокой ночью ее будит настойчивая вибрация мобильного телефона.

Плохо соображая спросонья, она пытается понять, где находится. Светящийся экран телефона наполняет комнату голубым сиянием, как лучи солнца, пронизывавшие воду в ее сне. Постепенно до нее доходит, что она уже не спит. От жажды в голове шумит, во рту пересохло. У нее никак не получается сфокусировать взгляд на дисплее, чтобы увидеть, кто звонит.

– Алло?

– Дело сделано. Я в машине. Еду к тебе. – Голос Алекса звенит от возбуждения. – Рут?

– Да, я слушаю. Извини, спала.

– Я еду. Пришли мне ваш почтовый индекс.

Она слышит, как хлопает дверца автомобиля и заводится двигатель.

– Прямо сейчас едешь? Сегодня же Рождество.

– Я не горжусь собой, но оставаться там больше не мог ни минуты.

Рут отнимает телефон от уха и, прищурившись, смотрит на часы: 4:08. Четыре часа, День подарков. Если Алекс едет из Котсуолдса, где живет семья его жены, значит, у дома ее родителей он будет к завтраку.

У Рут сводит живот: вот-вот стошнит.

– Рут?

– Да?

– Я люблю тебя.

В трубке слышно, как его машина мчится по шоссе, направляясь к ней. Привкус выпитого накануне вина поднимается по пищеводу, обжигая горло.

– Ну? А ты разве меня не любишь? – смеется он, абсолютно уверенный в ее ответе.

– Конечно, люблю, – отвечает она. – Конечно.

После звонка Алекса сон как рукой сняло.

Рут встает с постели и на цыпочках идет на кухню мимо комнат, в которых за закрытыми дверями тихо посапывают ее родные.

В кухне она берет из буфета стакан, наполняет его водой из-под крана и залпом выпивает. После трех стаканов воды

наконец-то удается утолить жажду.

Рут идет в ванную. Стоя под душем, тихо напевает себе под нос – одну из песен Стиви Уандера.

Бреет ноги, улыбаясь во весь рот. Смеется над собой, над своим легкомыслием. Бреет подмышки и, поколебавшись немного, уже притупленным лезвием удаляет почти все завитки с лобка.

После, выключив свет в ванной, бесшумно пробирается в свою комнату, где расчесывает волосы, наносит увлажняющий крем на тело и лицо.

Надевает свой самый красивый бюстгальтер, чистые трусики, пижаму и, улегшись в постель, ждет.

Наблюдает, как над соседними домами занимается рассвет. Лучи восходящего солнца отражаются от стекла, под которое помещено изображение кита, и расчерчивают комнату световыми полосами.

Теперь к ожиданию примешивается волнение, сердце колотится быстрее. Он будет здесь с минуты на минуту. На тумбочке у кровати стоят часы. Она смотрит на них, стрелки, едва различимые в сумеречном свете, показывают 8:12.

Обострившийся слух улавливает рокот автомобиля, сворачивающего на их улицу. Машина тормозит у дома, вяло тарыхтит, паркуясь, и затихает.

Шума как такового нет. Есть звук. Словно она под водой: в ушах не звенит, но что-то вибрирует, будто жидкость струится.

Одежда липнет к мокрому телу.

На ней лежит что-то тяжелое. Плющит ее.

Она открывает глаза, но ничего не видит.

Темно.

Она дезориентирована, ее тошнит.

Она спала?

Стала жертвой несчастного случая?

Где она?

Груз, придавливающий ее, шевелится; она чувствует, как ее лицо обхватывают две руки. Из последних сил отбивается от них.

Потом вспоминает.

Ник.

Он двигается, смещая тяжесть своего тела, и наконец скатывается с нее. Теперь он тоже лежит на спине, рядом с ней. Все так же темно.

И густой звериный, гнилостный дух.

Тяжело дышать. Она медленно выдыхает, стараясь не паниковать.

Между ног тепло, одежда мокрая, и Рут со стыдом пони-

мает, что это отчасти и по ее вине: моча смешивается с влажной китовой слюной.

Она делает глубокий вдох, наполняя легкие зловонным воздухом.

Кашляет, отрыгивает. Горло обжигает желчь.

Она жива.

Рядом ворочается Ник. Она ощущает вибрацию его голоса, но не может разобрать ни слова.

– Не слышу! – голос Рут, громкий и пронзительный, прорезает шум в ушах, будто сирена.

Ник что-то рокошет в ответ.

Что он говорит?

Ник снова возится. Садится.

Она тоже пытается подняться, но тело не подчиняется. Кажется, что ее одежда отяжелела не только от пота, мочи и слюны кита, или как там называется жидкость в его пасти. Такое ощущение, что на ней кольчуга: кости тянут вниз.

Она чувствует, как Ник копошится у ее ног. И откуда только силы берутся?

Она снова вдыхает омерзительный запах.

Она жива!

Ник шарит рукой под ногами Рут.

Мышцы болят. Кажется, что кожа туго натянута, ограничивает движения. Он прощупывает складки слизистой оболочки пасти кита, ищет в них монтировку.

Трудно сказать, сколько часов он пробыл без сознания, но Ник уверен, что кислорода в этой сырой пещере осталось мало. Он не знает, что обнаружит за стенами их бункера, но единственный возможный путь к выживанию теперь там.

Его рыскающие ладони натываются на какой-то металлический предмет, лежащий у мокрой ноги Рут.

Она по-прежнему неподвижна, а из-за громкого звона в ушах он не может разобрать ее слова.

Ей больно?

Ему нужно увидеть ее, убедиться, что она не пострадала. Необходимо осмотреть себя, свою обожженную кожу.

Они живы. Но надолго ли?

Ник раздвигает монтировкой челюсти кита, приоткрывая окно во внешний мир.

В образовавшееся отверстие врывается холодный воздух, а вместе с ним – какой-то странный свет. Зеленоватое сияние снегов из его смутных детских воспоминаний о лыжных прогулках.

Он снова смотрит в темноту китовой пасти и дергает Рут за ногу.

– Рут?

Ответа нет.

Спиной он шире раздвигает пасть кита и подтягивает к себе Рут. Теперь свет падает на ее лицо, и он видит, что ее глаза закрыты, а покрасневшую кожу покрывают волдыри.

– Рут?

Она чуть приподнимает веки, пытается сосредоточить на нем взгляд. Губы шевелятся, что-то говорят, но он не различает ни слова.

– Не слышу.

Морщась, Рут поднимает руку – показывает на ухо, крутит пальцем. Она тоже его не слышит.

Ник кивком показывает, что понял.

Выглядывая из китовой пасти, он видит во мгле свой пикап со сдвинувшимися колесами. Краска с него полностью содрана. Двигатель слегка светится: в нем догорают остатки бензина.

Он смотрит на море. Оно беснуется.

Сверху сыплют хлопья, похожие на снег. Они покрывают песок, оседают на воде в ручье, который все так же течет к морю.

Ник чувствует, что во рту у него пересохло.

Монтировкой он подпирает верхнюю челюсть кита, оставляя щель во внешний мир; небо быстро светлеет.

Скрежеща зубами от боли, раздирающей все тело, он ползком добирается до рюкзака Рут, который лежит за ней. Находит флягу, открывает ее и льет воду в свой пересохший

рот. Затем падает рядом с Рут и бережно открывает пальцами ее рот. В ее глазах появляется беспокойство, но, почувствовав прикосновение к губам холодного металла, она с жадностью пьет.

Повернув голову, Рут смотрит в отверстие за спиной Ника. Она видит падающий пепел, и глаза ее округляются. Она смотрит на него, надеясь получить объяснение.

Он качает головой.

Тоже не знает, как им быть дальше.

Ник снова ложится рядом с Рут. Чувствует, что одежда на нем мокрая, но пока ему тепло.

Она поворачивается к нему.

– Мы живы.

Он кивает. Слова Рут он прочитал по ее губам, ее голос звучит как отдаленный шорох.

– Почему?

Ник качает головой. Он и сам не понимает.

Она трогает его лицо. Ее прикосновение вызывает жгучую боль. Должно быть, кожа его тоже покрыта волдырями, как и у нее. Он морщит лоб. Рут подносит руку к своему лицу. И резко дергает головой от собственного прикосновения.

Рут кажется, что ее лицо горит. Она оглохла. В ушах лишь какое-то бульканье. Свет, струящийся в щель, едва-едва освещает Ника.

Ей кажется, что она спит и видит сон.

Она роняет руку, нащупывает рядом ладонь Ника, берет ее, хотя испытывает при этом адскую боль, и смотрит на него.

Ее переполняет благодарность к этому едва знакомому человеку. Его веки тяжелеют. Она тоже закрывает глаза. Сжимает его ладонь, и он в ответ обнимает ее одной рукой, укрывая своим телом. Она слышит гудение собственной крови, шум в ушах, похожий на рев водопада, обрушивающегося на камни. Чувствует, как его тело обмякает.

Его сознание затуманивается, мысли вытесняются снами.

Снаружи толстый слой пепла покрывает опаленную кожу кита. Берег белеет в темноте, словно припорошенный снегом.

Напитанное пеплом небо теперь изрыгает его – прах кремированного человечества.

Вскоре и кит, и пикап Ника становятся частью берегового рельефа.

Все усыпано пеплом.

Солнце пробивается сквозь облака летающих хлопьев, и небо постепенно светлеет.

Но мужчина и женщина, пережившие катаклизм, не просыпаются. Лежа в обнимку на языке мертвого кита, они крепко спят, а их организмы тем временем восстанавливаются после перенесенного стресса и исцеляются от полученных ожогов. Им снится мир, которого больше не существует.

8

Рут просыпается оттого, что ей жарко. Тепло исходит от обнаженного тела Алекса, обнимающего ее сзади. Она вспотела, это неприятно, но она не отодвигается от Алекса, чтобы не разбудить его. Он посапывает ей в затылок, редкая поросль на его груди липнет к ее лопаткам, вялый пенис – к ее левой ягодице.

Ладонью она проводит по его покрытой пушком мускулистой ноге и чувствует, как в животе екает от желания. Живя с Алексом, она чувствует себя подростком. Словно заново открывает грани собственной сексуальности.

Она осторожно откидывает назад пуховое одеяло, чтобы охладиться хотя бы спереди. Грудь обдает студеным воздухом первого январского дня. Окно открыто с минувшего вечера, когда они громко поздравляли жителей Дептфорда с наступающим Новым годом и весело колотили деревянными ложками по кастрюлям, пока со смехом не рухнули на кровать. Рут чувствует, как соски твердеют, реагируя на холод и ее воспоминания о том, как они с Алексом занимались сексом всего несколько часов назад, отмечая праздник.

Она слышит, что ритм дыхания Алекса меняется. Он просыпается и вместе с тем возбуждается.

– С Новым годом, моя маленькая печка.

Он берет ее за талию и притягивает к себе. Его руки пол-

зут по ее телу. Он кусает ее за ухо и в очередной раз сливается с ней.

Алекс живет у нее уже неделю. Рут хотела бы сказать, что она безумно счастлива, но на самом деле она постоянно не высыпается. Энергия из Алекса бьет ключом. Он как вечный двигатель: постоянно что-то делает, говорит, думает. Утверждает, что он «одержим» ею, но его одержимость выражается главным образом в желании заниматься с ней сексом: утром, перед сном и часто еще когда он возвращается в свой новый дом. Не то чтобы она устает от секса, от состояния тихого блаженства, в которое он возносит ее, но ее организму страшно не хватает отдыха. Когда она жила одна, отойти от будничной рутины значило не включать будильник, ложиться спать когда захочется и спать допоздна. Но в эти рождественские каникулы, с тех пор как она вернулась от родителей и Алекс поселился у нее, выспаться ей никак не удается. Алекс работает преимущественно с зарубежными контрагентами и, кроме официальных выходных, никаких других праздников не признает. Каждый день у него переговоры по телефону, и его онлайн-работа начинается раньше, чем в

британских учреждениях. И он постоянно будит ее ласками на рассвете, хотя спать они легли всего несколько часов назад.

Если не считать недосыпа, во всем остальном совместная жизнь ее более чем устраивает. В отличие от ее бывших бойфрендов, Алекс вполне себе хозяйственный человек. Он даже чище, чем она сама. Самая главная перемена в ее повседневной жизни – его присутствие, все прочие незначительны. За неделю на ее кухне произошло несколько заметных изменений: вместо продуктов из местного супермаркета теперь товары известных брендов; отходы тщательно моются и сортируются, а не закидываются в переполненное ведро, которое раньше она не выносила до тех пор, пока из него не начинало пахнуть.

На второй день пребывания Алекса в ее квартире Рут увидела рядом с унитазом новый ершик. От мысли, что он посчитал нужным купить его, она покраснела, но еще сильнее смутилась, когда задумалась, кто из них стал причиной этого приобретения. Были и другие туалетные аспекты, вгонявшие ее в краску. Алекс был против использования бытовой химии, в том числе аэрозолей. За минувшую неделю Рут не раз приходилось открывать окно в ванной и вспенивать в раковине мыло в попытке замаскировать оставшийся после нее запах. Еще больше ей становилось не по себе, когда на входе в ванную ее встречал почти теплый воздух, напоминавший о недавнем визите Алекса. Однако долгие часы общения, ко-

гда они беседовали и смеялись вместе, примиряли ее с обозначившимися под глазами серыми мешками и с тем, что ее возлюбленный был обычным человеком со всеми физиологическими проявлениями.

За последнюю неделю Алекс перевез в ее квартиру коробки из своей прежней жизни. Из своего бывшего дома он возвращался осунувшимся, с остекленевшим взглядом. Правда, они не прятались от этой проблемы. Рут открывала им пиво, зажигала свечу на кухонном столе, они садились и разговаривали. О том, что он скучает по детям, опасается за психическое здоровье жены, с которой скоро оформит развод. Кажется, у них вообще нет секретов друг от друга.

– Ты сводишь меня с ума.

Содрагаясь, он судорожно вздыхает и падает на нее.

– А меня сводит с ума твой тост с авокадо. – Она целует его в ухо.

Смеясь, Алекс скатывается с нее.

– Не знал, что я подписался быть не только твоим любовником, но *еще* поваром и уборщиком.

– Всегда читай напечатанное мелким шрифтом. – Рут от-

кидывает одеяло ему на голову и вскакивает с постели, спеша первой занять душ.

Стоя под горячими струями, она мурлычет песню, под которую они с Алексом танцевали в минувшую полночь. Намыливая шампунем голову, поздравляет себя с тем, что проснулась почти без похмелья. Каждый раз она мечтает начать год на позитивной ноте: выйти на долгую прогулку, после обеда посмотреть какой-нибудь классический фильм, рано лечь спать. Но обычно ее благие намерения летят к чертям из-за каких-нибудь незапланированных походов с Фрэн, после которых она почти все первое января проводит в постели и с похмельем. Да, бурная вечеринка обычно стоит ее страданий, но все же приятно просыпаться с надеждой в душе, а не с чувством вины, обреченности и паранойи. Когда Рут поднимает руки, чтобы отжать волосы, плечо простреливает резкая боль. Она делает вращательное движение рукой, чтобы ослабить напряжение.

Накануне вечером она отказалась от шумных гуляний, сославшись на «воспалившиеся гланды». Фрэн предупредила в последний момент, чтобы та не смогла переубедить ее. Да, она нагло солгала подруге, но ей не очень стыдно. Она ведь не бросила Фрэн одну в новогоднюю ночь: та уже несколько часов праздновала в Сохо и, судя по тону ее сообщений, не очень-то скучала без Рут в компании марихуаны.

Совість мучила ее по другому поводу: Фрэн до сих пор не ведала о существовании Алекса. Даже не знала, что у Рут по-

явился мужчина, а уж тем более про его переезд к ней. Действительно ли у нее не было возможности рассказать Фрэн про Алекса? Она могла бы сделать это – во время встречи в пабе перед Рождеством. Но Рут тогда была изнурена ссорой с родителями и ей не хотелось портить Фрэн настроение признанием, что последние полгода она лгала подруге. Им крайне редко доводилось проводить время вдвоем, вне большой компании. Рут дорожила подобными мгновениями и не хотела омрачать их встречу. Ведь стоило только начать говорить правду, как одна за другой стали бы вскрываться подробности, которые вряд ли понравились бы Фрэн. В этом Рут не сомневалась, прекрасно зная подругу. Поэтому она в очередной раз промолчала, и они, устроившись вдвоем в углу паба, в который когда-то впервые пришли с фальшивыми удостоверениями личностями, пили ужасное вино и хохотали, пока не заболели животы.

Рут смывает с волос кондиционер, мысли о Фрэн сменяются воспоминаниями о вечере с Алексом. Свечи, играет пластинка, бутылка дорогого кьянти, журнальный столик сдвинут к дивану, они, нарядные, танцуют – только они двое – в гостиной. Ради таких светлых воспоминаний можно и приврать немного.

Она слышит голоса, хлопает дверь. Надеюсь, он заказал пиццу, думает она. Завернувшись в полотенце, босиком шлепает на кухню.

– Тебе лучше? – За кухонным столом сидит Фрэн с

непроницаемым выражением на лице.

– Любимая, я и не знал, что тебе вчера нездоровилось. – Алекс очень обеспокоен. Он выключает чайник и наливает кипяток в кофеварку, стоящую на рабочем столе.

– Горло немного болело. Пустяки!

Рут чувствует, как под взглядом подруги ее щеки начинают гореть.

Алекс ставит перед Фрэн чашку с черным кофе.

– Может, все-таки что-нибудь покрепче? Стопочку на опохмел?

– Нет, спасибо.

Рядом с Фрэн полный пакет продуктов из магазинчика на углу. Сквозь пластик Рут различает «Люкозад», парацетамол и коробку замороженной пиццы. Я отвратительная подруга, думает она.

– С Новым годом, Фрэн. Много о тебе наслышан! – Алекс приподнимает свою кружку, чествуя Фрэн.

Рут опускает глаза. С ее ног стекает вода, образуя лужицы на кухонной плитке. Ступни заледенели, пальцы начинают коченеть. Она поднимает голову. Фрэн не сводит с нее сурового взгляда. Алекс что-то говорит, но Рут слышит только гул крови в ушах. Колени у нее подкашиваются. Она хватается за стол, чтобы не упасть.

– Дорогая! У тебя и впрямь нездоровый вид. – Алекс выдвигает для нее стул. – Пойду принесу тебе халат.

Рут осмеливается поднять глаза на подругу.

– Ну?

Рут утыкается взглядом в шлифованное дерево стола, на котором лежат ее вспотевшие ладони. Она ведь знала, что рано или поздно ее секрет откроется, но лишь теперь поняла, какой вред могла нанести этим их доверительным отношениям, которые пестовались с самого детства. Сколько Рут себя помнит, она всегда делилась всеми своими горестями и радостями с Фрэн.

– Я не думала, что это серьезно, пока не стало серьезно.

– Совсем, что ли, рехнулась? Кто пускает парня к себе жить после нескольких классных свиданий?

А если сказать, что она познакомилась с Алексом совсем недавно? Что влюбилась с первого взгляда? Голову потеряла из-за него? Нет, даже думать об этом противно. Лгать, лгать и лгать, чтобы замести следы? Тоска берет от одной только мысли.

– Мы встречаемся уже некоторое время.

– Некоторое время?

– С июля.

На противоположной стороне стола – ледяное молчание. Сидя с опущенными глазами, Рут видит, как на стол падают капли воды. Лицо Фрэн заливают слезы. Она в изумлении качает головой.

– Извини, новостями заслушался. – Алекс виновато вскидывает руки. Увлеченность новостями – одна из его маленьких слабостей.

Потом он набрасывает халат на плечи Рут. Махровая ткань окутывает ее уютным теплом, и она содрогается, только теперь осознав, что замерзла.

Это не та прогулка в первый день января, о какой она мечтала. Рут знает, что Фрэн приняла приглашение Алекса лишь ради того, чтобы продолжить прерванный разговор. Она чувствует себя как школьница, стоящая под дверью директорского кабинета. Фрэн ждет благоприятного случая. Всю дорогу она оживленно болтает с Алексом, расспрашивая его о работе. Алекс охотно рассказывает ей о преимуществах криогенных технологий в сельском хозяйстве. Взахлеб говорит о новой идее выращивания урожая в старых матрасах в лагерях беженцев. Фрэн всегда устанавливала дружеские отношения с парнями Рут. Беспроигрышная ситуация: она либо заводила нового приятеля, либо перечисляла Рут все недостатки ее бойфренда. Рут наблюдает за Фрэн и Алексом, которые увлеченно беседуют, обогнав ее, и по поведению подруги пытается определить, пройдет ли Алекс проверку.

На вершине холма они, по примеру многих других, достают смартфоны, чтобы запечатлеть свой подвиг – выход из

дома. Фрэн предлагает сфотографировать Алекса и Рут на фоне раскинувшегося внизу Лондона. Потом Алекс, отвечая любезностью на любезность, фотографирует подруг. Те стоят в обнимку, и Фрэн, наклонившись к Рут, шепчет ей:

– Дура ты.

Но голос у Фрэн не сердитый: Алекс ее очаровал. Иначе и быть не могло. Разве может кто-нибудь устоять перед его обаянием?

У подножия холма они находят паб, где заказывают по пинте пива и две пачки чипсов, которые вываливают в общую тарелку на столе. Алекс идет в уборную, и Рут готовится выслушать вердикт Фрэн. Но ожидаемой критики не следует.

– Не понимаю, почему ты его скрывала. По-моему, он тебя любит. Представляю, чего тебе стоило хранить молчание.

– Может быть, я наконец-то повзрослела, – пожимает плечами Рут.

Она прислоняется к Фрэн, ощущая тепло ее руки. Сейчас подходящий момент рассказать подруге, как начались их с Алексом отношения. Вряд ли ведь Фрэн изменит мнение

об Алексе только из-за того, что он женат.

Краем глаза Рут замечает, что Алекс возвращается из туалета. Он направляется к бару, жестами и мимикой спрашивая у них, не заказать ли еще по пинте пива.

– Мне он нравится.

Рут затрудняется вспомнить, когда последний раз Фрэн одобрительно отзывалась о ком-то из ее бойфрендов. Алекс улыбается им от стойки бара. Рут, улыбаясь ему в ответ, берет с тарелки горсть чипсов и запихивает в рот.

9

Рут просыпается оттого, что вся дрожит. Она замерзла. Насквозь промокшая одежда липнет к телу, кожа зудит.

Она чувствует на своем лице дыхание Ника, его кислый запах.

Рут открывает глаза.

Лицо Ника так близко, что она даже не может его рассмотреть. Рут немного отодвигается и замечает, что волдыри у него на коже вздулись. Из них сочится жидкость. Видимо, такое же происхождение и у липкой жидкости на ее лице.

Все тело ломит, она пытается немного повернуться и выглянуть наружу. В глаза бьет яркий свет.

Она выбирается из-под спящего Ника, подползает к краю пасти кита и встает на ноги, осматриваясь. В чистом синем небе ярко светит солнце; со всех сторон, куда ни кинь взгляд, до самой дальней дали – покров хрустящей белой пыли, в которой отражается все сущее.

На секунду она представляет, как ее мать вылезает из укрытия – из-под лестницы? из недавно обнаруженного подвала? из наскоро устроенного бункера вроде того, в каком спряталась она сама? – и идет в сад, а там – белым-бело, новый белый мир: все ее буддлеи и мимозы засыпаны белым пеплом.

Рут трясет головой, прогоняя эту сцену из воображения,

а вместе с ней и всякую надежду на то, что ее родители уцелели.

Она осторожно выпрастывается из мокрой флисовой куртки Ника, стараясь не задевать обожженное лицо. Как ни странно, кожа рук от кисти до плеча чистая. Стянув с себя брюки, Рут видит, что ноги тоже чистые. Она идет к морю, на ходу снимая футболку и нижнее белье, и, обнаженная, заходит в волны.

Рут с головой погружается в воду – кожа горит. Но, вынырнув, чтобы вдохнуть воздуха, она чувствует сквозь боль, что соленая вода успокаивает жжение.

Она спиной падает в волны, тело снова уходит под воду. Вытянувшись во всю длину, она лежит на мелководье, позвоночником касаясь песчаного дна. Покачивается на волнах, распахивая глаза навстречу солнцу; уши ее скрыты под водой. Живот начинает сводить от голода, и она задумывается о еде. В рюкзаке осталось немного продуктов, на сегодня им с Ником хватит. Но ведь завтра и потом им тоже надо будет что-то есть. А еще понадобятся антибиотики, иначе раны на коже не заживут: слюна кита, в которой они оба вымокли, наверняка ускорит процесс заражения.

Рут чувствует выброс адреналина.

Да, пока она жива, но, если хочет жить и дальше, сидеть сложа руки нельзя.

Ник смотрит, как Рут, обнаженная, выходит из моря. Он старается сосредоточиться на ее кистях и лице, воспаленных, красных от ожогов, и старательно отводит взгляд от ее полных грудей и густых волос под животом. Рут улыбается, шагая к нему. Нагнувшись, поднимает свое нижнее белье с покрытого пеплом песка.

– Ты меня слышишь?

Голос доносится как бы издалека, словно она говорит сквозь звукоизолированную стену, но он слышит ее четче, чем прежде, до того, как они уснули – сколько же они проспали? – хотя в ушах по-прежнему шумит.

Рут понимающе кивает.

– От тебя воняет. Иди окунись.

Она активно двигает губами, артикулируя каждое слово, чтобы ему легче было понять ее. Одной рукой зажимает нос, другой указывает в сторону моря.

Ник стягивает с себя джинсы и футболку, но трусы не снимает. По следам, оставленным Рут на пепельном покрове, идет к накатывающим на берег волнам.

Он не оглядывается и не знает, что стесняться ему нечего: Рут за ним не наблюдает.

Рут уже вытащила из пасти кита свой большой рюкзак. Расстелив на засыпанном пеплом песке водонепроницаемую подстилку для палатки, выгружает из него вещи. Находит чистые трусики, натягивает их и продолжает работать полуобнаженной. Содержимое рюкзака она раскладывает на кучки:

одежда, полотенце;

палатка, походный коврик, спальный мешок;

туалетные принадлежности, складной нож, аптечка;

продукты.

Рут перебирает медикаменты. Дезинфицирующих салфеток совсем мало. Это плохо. Она аккуратно укладывает в пластмассовую коробочку тюбики и упаковки таблеток, пластыри и бинты в пластиковых обертках.

На мгновение перед глазами возникает образ матери, собиравшей для нее аптечку всего несколько дней назад так же, как теперь укладывает медикаменты она сама.

Мамочка.

Энн стоит у кухонного стола; очки подняты на лоб, чтобы волосы не падали на лицо. Смеясь над чем-то, что она услышала по радио, ее мать педантично втискивает в контейнер

упаковку за упаковкой, будто составляет пазл.

Рут хватается за горло, словно пытается выдавить из мыслей видение, которое ее душит. Зажмуривается, стискивает зубы. Нельзя погружаться в воспоминания. Надо жить дальше.

Она вскрывает один из пакетиков, вынимает салфетку с цитрусовым ароматом, вытирает обожженную кожу – сначала лицо, затем ладони и тыльные стороны рук. Морщится: антисептик обжигает открытые раны.

Едва Рут надевает спортивный бюстгальтер, из моря возвращается Ник. Он весь мокрый, с него капает вода. Ник оттопыривает на себе трусы-шорты, чтобы сделать свои очертания менее заметными. Рут качает головой – надо же, какой стыдливый! – и бросает ему свое мокрое полотенце.

– Есть хочешь? – Она имитирует движение ложкой.

– А у тебя есть еда?

Рут вытаскивает из рюкзака три консервные банки, несколько булочек в вакуумной упаковке, с виду сухих, несколько соленых кренделей и сетку апельсинов.

– Вот. – Она бросает Нику апельсин и идет к нему, на ходу зубами вскрывая упаковку с еще одной антисептической салфеткой. – Сейчас будет больно.

Рут промокает салфеткой его лицо. Он морщится от боли и ругается себе под нос, когда один из волдырей лопается.

Выбросив использованную салфетку и упаковку от нее, Рут складным ножом вскрывает банку с печеной фасолью.

Отогнув на ноже ложку, она кладет в рот фасоль и протягивает банку Нику.

– Вот все, что у меня есть, – Рут показывает на вещи, разложенные на подстилке одноместной палатки. – Нам нужно пополнить запасы. Найти помощь. Найти людей.

Ник кивает, возвращая Рут банку с фасолью.

Он выкручивает джинсы и футболку, раскладывает их сушиться на солнце рядом с вещами Рут, на свободной части подстилки.

– Машина, должно быть, сдохла?

Рут морщит носик, на лице – замешательство. Либо она не слышит, либо не поняла, что он сказал.

Ник указывает рукой туда, где стоит усыпанный пеплом пикап.

За машиной – незнакомый пейзаж, словно изображение чужой планеты в фантастическом фильме. Ник вспоминает солончаки в Южной Америке, он видел фотографии в соц-сетях. Цифровые снимки низкого качества, сделанные с разных ракурсов. Как и к статуе Христа-Искупителя в Рио, к ним стекались туристы, фотографировали, а потом, в доказа-

тельство того, что правда видели их, засоряли интернет этими снимками, своего рода отметками в паспортах. Но тогда еще существовал интернет.

Кстати, да, думает Ник. Интернета же больше нет.

А может, и солончаков уже нет.

Неужели он сам никогда уже не сможет сфотографировать их?

– Надо бы оценить масштаб ущерба. Узнать, выжил ли кто-нибудь еще.

Он смотрит на расположение солнца на небе. Полдень, наверное, пару часов как миновал.

– Пошли, пока светло. Идти сможешь?

Рут по-прежнему слышит его плохо, но кое-что понимает по губам.

Она кивает, пережевывая очередную ложку фасоли.

Из сумочки с туалетными принадлежностями вынимает баночку с увлажняющим кремом и, морщась от боли, обильно смазывает им опаленную кожу. Протягивает крем наблюдающему за ней Нику, но он отказывается.

Рут убирает вещи в два рюкзака – один большой, дру-

гой поменьше. Во второй она кладет самое необходимое: фонарь, складной нож, флягу с водой, аптечку. Из кармана рюкзака достает пустую холщовую сумку и протягивает ее Нику. Изумленный, он берет у нее сумку.

– Можно положить это в твою машину?

Рут показывает сначала на свой походный рюкзак, потом на ободраный пикап. Огонь пожара давно погас, от двигателя остался один корпус. Не автомобиль, а шкаф на колесах.

Он согласно кивает и смотрит, как Рут поднимает рюкзак на плечо, морщась от боли, потом долго дергает дверцу фургона, пытаясь ее открыть. Наконец ей это удается. Рут оборачивается и поднимает вверх большой палец: кабина цела. Она швыряет туда рюкзак, захлопывает дверцу.

– Может, запереть машину? Как думаешь?

Ник недоуменно смотрит на нее. Она жестикулирует, как бы закрывая ключом дверцу, но он все равно не понимает. Рут возвращается к нему. Кричит:

– Ключ? – И для наглядности изображает, как поворачивает ключ в замке.

Ник улыбается. Дверцу-то зачем запереть?

– Ничего с ней не случится.

Теперь в лице Рут отражается недоумение: она его не поняла. Ладно, зачем что-то объяснять? Легче просто запереть машину. Ник кивает, вскакивает на ноги и трусцой бежит к пикапу. Запирает дверцу, а ключ от машины вместе с холщовой сумкой запихивает в карман влажных джинсов.

– Пойдем посмотрим, что и как.

Щурясь, Рут смотрит, как Ник шагает прочь. В ярком свете послеполуденного солнца пепельный покров слепит глаза.

Он оборачивается, зовет ее за собой. Силуэт, предлагающий ей уйти от кита, от моря, от берега и по пеплу отправиться к чему-то неизвестному.

Она вешает на плечо рюкзак с остатками припасов и следует за ним.

От мелкого январского дождика волосы Рут начинают пушиться и завиваться. Она приглаживает их. Перед ней в очереди всего три человека. По ее прикидкам, поскольку Фрэн всегда опаздывает, она успевает купить для них по стакану кофе и по пирожному и прийти к реке точно к условленному времени. Рут надеется, что это поможет начать их встречу на хорошей ноте. Она знает, что Фрэн все еще дуетесь на нее, и хочет вернуть расположение подруги.

Двое молодых американцев перед ней тихо спорят, решая, остаться им в кафе или взять еду с собой. Стоящая у прилавка женщина спрашивает про пирожные.

- Есть что-нибудь без глютена?
- Миндально-черничные.
- И глютена в них нет?
- Да. То есть нет. Они без глютена.
- А ягоды?
- Есть. Черника.
- Нет, мне с ягодами нельзя. Я возьму круассан.
- В нем глютен.

Молодой бариста ждет, когда женщина определится с выбором; щипцы в его руке зависли над подносом с выпечкой.

- Все равно давайте.

Рут смотрит время на экране телефона. Она успевает ед-

ва-едва.

Фрэн ждет, сложив руки на груди. Ладони она засунула под мышки, пятками нетерпеливо отбивает дробь. Она стоит спиной к серо-бурой реке. Рут знает, что со своего места подруга не заметит ее приближения, и видит в этом возможность растопить между ними лед. Незаметно подкравшись к Фрэн, она шепчет ей на ухо:

– Кофе?

Фрэн от неожиданности взмахивает руками, и стаканы с кофе на десять фунтов летят на тротуар. Они смотрят на разлившуюся между ними молочную лужу. Рут протягивает подруге промасленный бумажный пакет.

– Тогда только круассан?

Они идут вдоль реки. От измороси над извилистой лентой Темзы висит мгла. Кажется, что Ковент-Гарден гораздо дальше, чем им казалось, когда они планировали прогулку.

– Как дела на работе?

– Мне только в понедельник выходить.

– Лентяйка.

Рут не поддается на провокацию. Разговор легко может

перетечь в перепалку – они не раз уже ссорились из-за пренебрежительного отношения Фрэн к ее работе, – и она не хочет раскачивать лодку. Да и на самом деле нельзя сказать, что она так уж страдает на работе.

Они минуют бетонные блоки здания Национального театра, построенного в стиле брутализма, и величавый стеклянный фасад Саутбэнк-центра, затем пересекают реку по пешеходному мосту. Время от времени их разговор прерывает скрежет металла, когда на вокзале Чаринг-Кросс останавливаются или начинают движение поезда.

Это один из тех сырых лондонских дней, когда постоянно чувствуешь себя мокрым. Правда, когда они доходят до середины моста, солнце прорывается сквозь пелену облаков и на секунду ослепляет их яркими лучами. Рут клянет себя за то, что не взяла темные очки. Фрэн, конечно же, в очках – она редко выходит без них на улицу.

Сзади парочка откуда-то с севера – из Лидса или Йорка – обсуждает мост.

– Майкл, по-моему, это не тот.

– Тот самый. Пешеходный мост Миллениум.

– Нет, тот качался. Его пришлось закрыть.

– Тогда как называется этот мост, черт возьми?

Фрэн, глядя вверх очков, перехватывает взгляд Рут. Раньше они тоже не раз спорили о мостах, но теперь они настоящие лондонцы и могли бы перечислить названия всех мостов и туннелей между Кью и Вулиджем.

Они идут мимо крыши ночного клуба «Хэвен», в котором побывали еще школьницами, во время одной из первых тайных поездок в Лондон. Рут смутно припоминает, как она танцевала под арками среди дружелюбных полуобнаженных мужчин, а Фрэн общалась с девчонками, с которыми она вела переписку посредством частных объявлений, что размещались на последних страницах журнала NME². С восходом солнца они первым же автобусом вернулись в родной городок и в школу прибыли с небольшим опозданием.

Теперь они проходят через вокзал Чаринг-Кросс, где пахнет горячей выпечкой и дорогими духами с ароматом сандалового дерева, который, по мнению Рут, довольно приятный, а по словам Фрэн, «примитивный». Рут вообще нравится бывать на вокзалах в выходные: когда нет гудящих толп пассажиров, которые, локтями расталкивая друг друга, спешат кто в метро, кто на поезд, можно ехать куда захочешь. У нее мелькает мысль предложить Фрэн вскочить в ближайший поезд до Гастингса. Она давно не была на море. С удовольствием посидела бы на берегу. Смотрела бы на горизонт, наблюдала бы за птицами, парящими над белыми гребнями волн, а потом вернулась бы домой с пропахшими озоном волосами.

На Трафальгарской площади демонстрация. В последнее время по субботам там всегда проходит какое-нибудь поли-

² NME (New Musical Express) – английский еженедельник о поп-музыке и ее исполнителях; издается в Великобритании с 1952 г.

тическое мероприятие.

– Наверно, нам следовало бы быть там.

Пикетчики, теснящиеся на ступеньках Национальной галереи, держат плакаты и горящие свечи.

– Может, и следовало бы, да что толку протестовать? Если мы в заднице, так в заднице. И вообще, я жрать хочу. Пойдем лучше кафешку поищем.

Они идут по Чаринг-Кросс-роуд и затем через Сохо направляются на Оксфорд-стрит.

– Как Алекс?

На минувшей неделе, когда они с Фрэн ходили в театр, Рут рассказала подруге, как они с Алексом познакомились. Билеты купила она – сделала подарок им обоим. Выбрала спектакль по исполнителям: в постановке участвовали два актера, которые ей всегда нравились, и любимая актриса Фрэн. Как только поднялся занавес, стало ясно, что это пьеса об измене, поэтому, когда после спектакля они зашли в бар, Рут сочла, что это подходящее время для очередного признания. Ее не удивила реакция Фрэн, когда вскрылась еще одна ложь про Алекса, а вот холодность, омрачавшая их дружбу всю неделю, *расстраивала*. Рут хотела избежать разговора об Алексе и попытаться наладить отношения с подругой.

– Великолепно. Что ты хочешь на обед?

К тому времени, когда они доходят до Олд-Комптон-стрит, напряженности между ними почти не осталось. Фрэн берет Рут под руку.

– Хочу косметики прикупить. Не возражаешь?

Фрэн широко раскрывает глаза и выпячивает нижнюю губу, глядя на нее умоляющим щенячьим взглядом. Рут страшно не хочется тратить время на магазины, но она соглашается, понимая, насколько непрочен достигнутый ими мир.

Они бродят между полками с косметикой в старинном универмаге. Рут сильно проголодалась, и ее немного тошнит от множества запахов лаков для волос, духов и ароматизированных свечей. Фрэн чиркает разными помадами по тыльной стороне ладони, подбирая нужный тон, затем оглядывается, проверяя, нет ли поблизости кого-нибудь из продавцов. Убедившись, что все они заняты покупателями, она быстро, но аккуратно красит губы и поворачивается к Рут.

– Что скажешь? Не слишком ярко для третьего свидания?

– Ты с кем-то встречаешься?

Фрэн награждает ее сардоническим взглядом.

– Ну, у нас же теперь как? Мы больше не рассказываем друг другу о своей личной жизни.

Обедают они в Сохо. Рут удалось завести подругу в один из их любимых ресторанов, где дешевле, чем в клубе Фрэн. На двоих они заказали три разных вида пасты: широкие бархатистые ленты со сливочным маслом и шалфеем; тонкие длинные спагетти, присыпанные стружкой из свежих трюфелей, которые придают блюду слегка плесневелый привкус; толстые перченые пичи с тающим пармезаном. В бокалах с «Негрони» звякают кубики льда.

– С Дженни. Она забавная, у нас с ней много общего. Давно одна. Немного ворчлива, ругается на жизнь, но в постели великолепна.

Хорошо, что Фрэн рассказывает ей о новом увлечении. Все нормально. Как будто Рут уже прощена.

– Она хочет детей?

– На втором свидании мы не обсуждали цвет детской, но, в принципе, да, она хочет семью.

– Так это же здорово! Куда ты пригласишь ее на ваше третье свидание?

– Это она меня приглашает.

– Удачи, Дженни!

– Я очень стараюсь спокойно относиться к сюрпризам.

Рут опускает взгляд в свой коктейль. Выуживает из бокала ломтик апельсина и съедает мякоть.

– Прости. Сама не знаю, почему сразу не рассказала тебе про Алекса. – Она наматывает апельсиновую кожуру на палец. – Наверно...

– Продолжай, – ободряюще кивает ей Фрэн, но Рут качает головой.

На этот раз она ничего не скрывает – просто не может выразить свои чувства словами. Ей стыдно? Стыдно, что она находит привлекательным такого человека, как Алекс? Его зычный голос, аристократичный выговор с проглатыванием гласных, красивое лицо... Какая же она банальная, неоригинальная. Стыдно, что ее тянет к чему-то столь предсказуемо желанному.

– Наверно, отчасти потому, что я знала, какой будет твоя реакция.

– В самом деле? И какой же?

Хочет ли она посеять еще больше сомнений во Фрэн?

– Ты бы спросила, не познакомилась ли я с ним через Камиллу.

Заинтересованность на лице Фрэн медленно сменяется улыбкой.

– И где же ты с ним познакомилась?

– Заткнись.

Обе хохочут, и Фрэн разрезает надвое последнюю ленту

макарон – по половинке для каждой из них.

– И как Камилла относится к тому, что ты разрушила чужую семью?

– Мы сейчас не общаемся.

– Выходит, быть блудницей тоже по-своему выгодно. Надеюсь, она точит на тебя зуб.

Остаток дня они наматывают круги вокруг Оксфорд-Серкус, навешивая на себя пакет за пакетом, пока руки не начинают ныть от тяжести. Фрэн покупает главным образом модную одежду, на которую скидки не распространяются, – потокает собственному сумасбродству, по мнению Рут. Сама она с ума не сходила: купила только несколько вещей, что ей приглянулись. Даже Алекс не стал бы упрекать ее в том, что она немного пополнила свой практичный гардероб для работы.

Снова моросит дождь. Они направляются к метро. Перед входом на станцию «Оксфорд-Серкус» столпотворение. Люди выстраиваются в очередь, чтобы спуститься под землю. Рут и Фрэн терпеливо ждут, когда им удастся подобраться к лестнице. Будут знать, как таскаться в Вест-Энд по суббо-

там, когда везде распродажи.

Когда они приближаются к лестнице, становится ясно, почему возник затор. Женщина примерно их возраста, с обвешанной пакетами коляской, в которой сидит ребенок, нагнувшись, тихо увещевает маленькую девочку в синем макинтоше. Кудряшки на голове малышки спутались, по щекам текут слезы.

– Давайте мы вам поможем, – предлагает Фрэн.

Рут цепенеет.

Она узнала детей.

Маленькая девочка с кудряшками, щурясь, вопросительно смотрит на нее.

– Привет!

Писклявый голосок малышки взмывает над окружающим их шумом: гомоном недовольных пассажиров, гудками автомобилей, голосом мужчины с мегафоном, предвещающего скорый конец света. Дальнейшее похоже на кадры в режиме замедленного воспроизведения, женщина постепенно поворачивается, выпрямляется и оказывается лицом к лицу с Рут, стискивает ладошку дочери, хватает за ручку коляску с маленьким сыном.

– Ты?!

Фрэн, ничего не замечая, спускается на несколько ступенек и приподнимает коляску за подножку.

– Рут, ты берись сверху. Женщина пусть дочку несет.

Пользуясь возможностью уклониться от взгляда Сары,

Рут с готовностью берет коляску за ручку.

– Не надо! Не смей прикасаться к моему сыну.

Рут мгновенно отступает на шаг. Дождь усиливается. Волосы липнут к ее лбу.

– Дождик-дождик, уходи, – напевно произносит малышка в синем строчку из детского стишка. Глядя на пасмурное небо, она щурится, чтобы в глаза не попали быстро падающие капли. А глаза у нее как у Алекса. И хмурится она так же, как он.

Лили, вспоминает Рут ее имя. Лили и Джек.

– Мы поможем вам спуститься, – говорит Фрэн. – Пойдемте, а то все промокнем.

Но Сара не двигается с места. Стоит как вкопанная, крепко держа дочь за руку, и смотрит.

Рут остро сознает, что дождь превращает копну ее вьющихся пушащихся волос в мокрый шлем, плотно облегающий голову.

– Мам, больно!

Лили выдергивает свою руку из ладони матери, поворачивается, хватается обеими ручками за грязный поручень над головой и с упрямой решимостью начинает ступенька за ступенькой спускаться по лестнице. В тот момент, когда дочь высвобождает руку, Сара переводит взгляд с Рут на Фрэн.

– Спасибо.

Медленно, в том же темпе, что и Лили, они идут вниз. Сара держится рядом с дочерью. Фрэн изо всех сил пыта-

ется удерживать двухместную коляску со спящим Джеком, пакетами с подгузниками и купленной на распродаже детской одеждой. Рут спускается следом. На нее все еще льет дождь. Ладони болят: она впивается в них ногтями, стискивая кулаки.

Добравшись до подножия лестницы, Лили опять закатывает истерику, потому что ступенек больше не осталось. Сара снова пытается уговорить ее. Едва девочка успокаивается, она выпрямляется и смотрит на Рут и Фрэн. Качает головой, улыбается.

– А знаешь что? – Она подхватывает Лили на руки. – Удачи. Она тебе понадобится.

Толкая перед собой коляску, Сара направляется к турникетам. Спокойно проходит через один, разговаривая с Лили, сидящей у нее на руках. Малышка не сводит с Рут любопытного взгляда, пока не исчезает из виду на эскалаторе, который увозит ее к поездам Центральной линии.

– Ты ее знаешь?

– Это жена Алекса, – кивает Рут.

Фрэн рядом с ней замирает. В ярком свете флуоресцентных ламп видно, как блестят дождевые капли на ее темных очках, сдвинутых на макушку. Рут догадывается, что подруга считает в уме.

– Вы начали встречаться, когда его жена была беременна?

– Между ними уже все было кончено. Все не так ужасно, как кажется.

На самом деле ужасно, и она это понимает.

Рут знала, что Алекс женат, когда он сел рядом с ней на ужине в доме Камиллы. В конце концов, вместе с его женой они были подружками невесты на ее свадьбе. Знала она, почему Сары не было на этом ужине: в ее возрасте риск выкидыша во время второй беременности был более высок. Рут догадывалась, что без жены на вечеринке Алексу должно быть немного одиноко. Она судила по себе: на ужинах Камиллы и Чарли ей тоже всегда было одиноко, потому что из всех гостей только она не имела своей семьи. А Алекс, замечала Рут, всегда смеялся над ее шутками чуть дольше, чем это было необходимо. На вечеринках он всегда находил повод, чтобы пообщаться с ней. Всегда делал комплименты ее нарядам, спрашивал про работу. Она прекрасно понимала все это, когда во время шумного застолья наклонилась к нему и попросила научить ее разбираться в винах. Улыбнувшись, Алекс велел ей закрыть глаза и попробовать уловить запахи черники и навоза.

– О, Рут, – произнесла Фрэн, – неудивительно, что ты не рассказывала.

То, что предстает взору, напоминает Рут сделанные с воздуха фотографии разрушенных ураганами городов. Только сейчас это не вид сверху.

Они стоят в молчании, разглядывая открывшуюся им картину.

На месте яхт-клуба теперь груды щебня и керамических черепков.

Когда она пробегала мимо него? Несколько часов назад? Вчера?

Рут понятия не имеет, сколько времени они провели в пасти кита.

По пеплу они идут туда, где, по всей вероятности, находилась парковка. У обожженных голых деревьев, лишенных листвы, громоздятся сгоревшие машины, некоторые лежат на боку. Опаленные сучья, словно фигурки, вырезанные из черного картона, обрамляют парковку по периметру. Они припорошены пеплом, похожим на искусственный снег.

– Думаю, надо прикрыть чем-то рты и носы. Возможно, здесь повсюду радиация.

Рут вытаскивает из кармана Ника свернутую матерчатую сумку. Зубами надрывает ткань и рвет сумку на две длинные полоски. Одну вручает Нику. Тот берет ее, наблюдая, как Рут своей лентой обматывает лицо и завязывает концы

на затылке.

– Перчатки, возможно, тоже нужны.

Ник смотрит, как Рут встряхивает руками, будто исполняет последние аккорды музыкального произведения крупной формы.

Что она имеет в виду?

С закрытыми лицами общаться им будет еще сложнее. Его слух пока не полностью восстановился, а матерчатая маска на лице Рут не только мешает ему читать по губам, но пока и приглушает ее голос. Что бы она ни пыталась сообщить ему, сейчас главное – найти еду. Все остальное подождет.

– Сначала – продукты. – Ник изображает, что он ест, затем, по примеру Рут, обматывает широкой лентой свое лицо и туго завязывает концы на бритом затылке. Морщится от боли, потому что случайно содрал несколько волдырей. Поворачивается, собираясь идти дальше, но Рут придерживает его за руку. Сдвинув со рта импровизированную маску, она кричит:

– Эй? Есть здесь кто-нибудь?

Это Ник услышал.

Они внимательно смотрят на горы щебня: вдруг где-то что-то шевельнется. Затаив дыхание, напрягают слух, силясь расслышать хоть что-нибудь, кроме звона в ушах.

Проходит несколько минут. Никто не отзывается.

Ни малейшего движения.

Ни звука. По крайней мере, они ничего не слышат.

Рут натягивает на рот маску и хочет подойти поближе к щебню, но Ник мягко трогает ее за плечо. Она поворачивается к нему. Он качает головой. Она кивает, и они идут в город.

Все здания, которые встречаются им по дороге, в том же плачевном состоянии. От общественных туалетов, куда он заходил еще вчера, осталась только беспорядочная куча бурых кирпичей. Часть стены еще стоит. Из нее торчит теперь уже бесполезная раковина. Вода, смешиваясь с пеплом, образует грязный ручей на их пути. Они осторожно переступают через него. В гряде щебня фонтанирует лопнувшая труба. Бьющая из нее струя смывает пепел, вода течет по склону холма к морю.

Они идут дальше.

Вокруг одни лишь разрушения.

Маленький городок, в котором он провел последние несколько дней, теперь превратился в руины. По обочинам дороги торчат обугленные деревья и кустарники, иногда попадает автомобиль с выжженной краской и сгоревшим двигателем. И всю местность расчерчивают обвисшие элек-

трические и телефонные провода.

Неужели так всюду?

В кои-то веки он рад, что у него нет своего дома. По крайней мере, то, чего не существует, не может быть уничтожено.

Рут приходит в голову, что в одном из этих разрушенных зданий, возможно, живет Ник. Или он говорил, что он не местный? Что он приехал сюда только из-за кита? Она помнит, как он говорил, что у него не осталось никого из родных. Но должны же быть друзья, коллеги. Какие-то знакомые, с которыми ему необходимо связаться. Убедиться, что близкие ему люди не пострадали.

Она отстает от него на несколько шагов, пытаясь понять, что он чувствует, но он по-прежнему для нее загадка. Слишком мало она о нем знает.

Его зовут Ник.

У него есть пикап.

Он фотограф.

Ей известны о нем только эти несколько фактов, но она чувствует, что ее судьба неразрывно связана с его судьбой. Очень странно.

Они доходят до перекрестка. Дороги, пересекающие одна другую, остались, но по обочинам – ничего, кроме обломков кирпичей, бетона и выпирающих металлических жердей.

Вдалеке Рут видит какие-то сооружения, которые чуть выше, чем окружающие их груды мусора. Она постукивает Ника по плечу и показывает ему на эти строения.

Проследив за направлением ее пальца, он кивает. Быстрым шагом они идут к выпуклым силуэтам. Когда подходят ближе, картина начинает проясняться. Рут запыхалась. Они ускоряют шаг. Ник почти бежит впереди нее, прямо по завалам из щебня и стекла.

Многие трейлеры все еще стоят, но краска с них ободрана, как будто их подвергли пескоструйной обработке. Стекла почти во всех окнах выбиты. Некоторые прицепы лежат на боку, задрвав колеса без шин, отчего они похожи на мертвых насекомых.

Рут идет за Ником, тяжело отдуваясь. Наклонившись вперед, она упирается руками в колени и старается перевести дух. Ник останавливается, крутится на месте, пытаясь сориентироваться, затем направляется к одному из немногих уцелевших трейлеров. Этот прицеп стоит в стороне, в его разбитых окнах слегка колышутся занавески.

Ник оттягивает вниз маску и с улыбкой докладывает:

– Я не подключал газ.

Это его дом? Рут догоняет Ника.

Ник тянет дверь на себя, дергает раз, другой, потом, упершись ногой в железную стенку прицепа, наконец открывает ее.

В помещении погром, будто там побывали грабители. Всюду валяются бумаги и фотографии, на всех поверхностях тонкий налет пыли.

– Пожалуй, лучше ни к чему не прикасаться.

Рут заходит следом. Маску она спустила на подбородок, взгляд ее скользит по разбросанным вещам. Возможно, Ник сам оставил в трейлере беспорядок, когда уходил. Ей трудно об этом судить, ведь раньше она здесь не бывала.

Ник прикрывает лицо рукой, пряча нос и рот, и открывает стенной шкаф, в котором лежит напиханная как попало одежда. Он достает вязаную шапочку, натягивает ее на голову.

Так-то лучше. Он сразу чувствует себя менее голым.

Ник бросает Рут пару перчаток и свою старую бейсболку. Она ловит их, надевает, убирая пропылившиеся волосы под кепку, а покрытые волдырями руки прячет в шерстяные перчатки. Он видит, что она морщит лоб, – вероятно, недоумевает, почему летом он возит с собой зимние вещи. Ну и

пускай.

Из выдвижного ящика в нижней части шкафа Ник достает нож – небольшой, но на вид грозный. Вытаскивает его из чехла. Лезвие острое. Что ж, вполне может пригодиться.

Рут пятится.

– Не нервничай ты, это мой старый рыбацкий нож.

– Это твой дом? – Рут смотрит на фотографии, разбросанные по комнате. На них лежит пыль.

– Можно и так сказать. Я не... – Он замолкает. Ей-то какое дело? – Да, пока тут, живу здесь... жил.

Ник поворачивается к полке над раковиной, на которой стоит несколько консервных банок, упаковка мюсли и печенье, тоже покрытые пылью. Он тянется к печению, но потом останавливается.

Чувствуя на себе взгляд Рут, поворачивается к ней.

– Знаешь, что-то мне подсказывает, что нам лучше вернуться на берег.

– Думаешь?

– Я, конечно, не ученый, но уверен, что счетчик Гейгера здесь должен зашкаливать.

– Мне казалось, пока непонятно, ядерная это катастрофа или нет.

За последние дни в Окленде Рут посмотрела больше новостных выпусков, чем за весь прошлый год. Дикторы с паникой в глазах как могли старались предоставить информацию, которой у них просто не было. Сообщения, постунав-

шие из Европы, ясности не вносили. С лица земли исчезали целые города, но никто не знал, что именно произошло. Известно было одно: в результате какой-то катастрофы все живое и неживое было истреблено. Бедствие невиданного размаха, не имевшее аналогов в истории.

Свет послеполуденного солнца сочится в окно, озаряя Ника. Он машет перед собой покрытой волдырями рукой – разгоняет пыль, плывущую в воздухе.

– Посмотри, какой дрянью мы дышим. И, что бы это ни было: ядерная бомба, «грязная» бомба, какое-то химическое оружие, – непонятно, к чему это приведет.

Он хватает из шкафа худи, натягивает его через голову.

– Так, пусть пыль оседает, а мы возвращаемся на берег, разводим костер, ставим твою палатку, составляем план. Ясно, что живых мы здесь не найдем, но ведь не может быть, что уцелели только мы с тобой вдвоем. Такого просто не может быть. Нужно подождать. Посмотрим, что будет дальше.

Рут кивает. В словах Ника есть свой резон. У нее урчит в животе.

– Как быть с едой?

– У тебя ведь еще есть бобы, да?

– Да. Но надолго их не хватит.

– Надеюсь, нам не придется долго ими питаться. И мы должны есть водоросли.

– Водоросли?

– Да. Будем жарить их на палках, мы с отцом так делали,

когда ходили на рыбалку. Чтобы организм получал йод.

Рут качает головой.

– Таблетки йода принимали после Хиросимы, Нагасаки, Чернобыля. А в водорослях есть йод, да? Точно не знаю, как это действует, но хоть не умрем сразу. Может быть, у нас какая-нибудь онкология разовьется, но об этом мы подумаем потом.

– Значит, на ужин водоросли и бобы.

– Уступаю дорогу дамам. – Ник с улыбкой кивает на дверь. Смотрит на Рут. Она стискивает зубы, как тогда на берегу, когда он впервые ее увидел. Ник снова показывает на дверь и извиняется: – Прости. Я хотел сказать: веди нас.

– Пакуй чемоданы!

Алекс с велосипедом на плече влетает в дверь. Рут поднимает глаза от книги. Чувствует, как в ней закипает восторг. Вот почему она решила связать свою жизнь с этим энергичным красавцем.

– Мы уезжаем. Не забудь положить удобную обувь для ходьбы и что-нибудь непромокаемое!

Непромокаемое? Рут падает духом. В ее гардеробе нет ничего похожего на плащ. Она надеялась на несколько дней сбежать от нескончаемого февральского уныния. Думала, будет сидеть на веранде, потягивать холодные напитки, подставляя лицо солнцу, а не тащиться куда-то, где нужна непромокаемая одежда.

В глубине души она понимала, что они вряд ли покинут Великобританию: в Новый год Алекс пообещал себе летать на самолете только по служебным делам. Ей суждено отправиться в отпуск на автомобиле или на поезде. Но ведь в Париж они все равно могли бы поехать, разве нет? Там сейчас не тепло, но все же это Париж.

Настроение у нее снова поднимается: небольшое приключение в середине семестра – это именно то, что им нужно.

Алекс, она знает, задумал путешествие, чтобы не накручивать себя из-за того, что Сара везет детей к родителям.

Рут выдохнула с облегчением, когда узнала, что Лили с Джеком не будут гостить у них и ей не придется играть роль махехи, но Алекс всю неделю ворчал из-за того, что его бывшая жена не согласовала с ним свое решение по поводу детей. Перемена в его настроении радовала, и, даже если этот мини-отпуск, ставший для Рут сюрпризом, Алекс задумал в пику Саре, отказываться от удовольствия она не собирается. Алекс до нелепого романтичен – цветы, широкие жесты – этим, помимо прочих своих достоинств, он изначально ее и подкупил. Для нее он как герой романа: ее собственный мистер Рочестер или Ретт Батлер.

По дороге на вокзал Кингс-Кросс у Рут голова кружится от эйфории. Она обожает путешествовать поездом «Евростар». Надеется, что повторится их первая совместная поездка на выходные: отель в Марэ, секс до изнеможения. В воскресенье прогулка по бульвару Бомарше, они выбирают сыры на рынке, покупают устриц и вино на улице, где на углу играет оркестр. Потом, одурманенные друг другом, в обнимку возвращаются на Северный вокзал. Поезд мчит их по туннелю под Ла-Маншем, она спит у Алекса на плече.

За окном поезда, на котором оседают капли дождя, мелькают унылые распаханые поля. Абсолютно английская панорама: сырость, серость, мрак.

Они не делают пересадку на станции Кингс-Кросс, чтобы доехать до красивого кирпичного здания вокзала Сент-Панкрас и выпить там по бокалу шампанского перед поездом.

Вместо этого Алекс заводит ее в купе со столиком в вагоне поезда, который в 9:52 утра отправляется в Лидс. Сердце в груди Рут наливается тяжестью. У нее не будет позднего обеда на Монмартре. В магазине «Маркс и Спенсер» Алекс купил для нее сэндвич, который ей не нравится. Не нравится и то, что ноги в купе не вытянуть: мало места. Алекс то и дело переворачивает страницы газеты, заслоня ей видимость и отвлекая ее от чтения книги. Рут уже готова завопить с досады, но тут он протягивает руки к ее лицу и снимает с нее наушники.

– Как настроение, брюзга? Еще не простила меня за сэндвич с сыром «Венслидейл»?

Рут показывает ему язык, а он ловит его большим и указательным пальцами. Она взвизгивает. Чувствует, что ее решимость тает. Хохочет, когда он начинает ее щекотать. Поезд мчит их мимо Донкастера.

В Лидсе, к ее огромному облегчению, они пересаживаются на другой поезд. Перед посадкой Алекс позволяет ей самой выбрать кофе, всячески демонстрируя, что он «не из тех мужчин, которые всегда навязывают женщинам свой выбор»

и не хочет, чтобы его принимали за такового. Но ты именно что навязываешь, думает про себя Рут, заказывая латте со специями и взбитыми сливками – просто чтобы его позлить. Но Алекс, к ее удивлению, заказывает то же самое. Они оба смеются, как школьники, и бегут к поезду, стараясь не расплескать напитки. Чуть не опоздали. Алекс ногой придерживает дверь, пока Рут несется по платформе. Только она запрыгивает в вагон, поезд трогается с места. Проводник отчитывает Алекса за то, что тот мешает закрытию двери, и они со смехом вваливаются в салон.

– Куда бы вы ни поехали, мисс Ланкастер, неприятности следуют за вами по пятам.

Он шепчет это прямо ей в лицо. Она хватается за ворот поло и целует, ощущая на его губах вкус взбитых сливок и шоколада.

Женщина за столиком напротив цокает языком, недовольная публичным проявлением чувств. Раздраженная Рут поворачивается к ней, собираясь огрызнуться, и видит, что их попутчица широко улыбается. Алекс уже обаял ее своей покоряющей виноватой улыбкой. Рут охватывает сладостный трепет. Ее распирает от самодовольства – ах, какого красавца она себе отхватила! – хоть она и понимает, что это недостойное чувство.

В Сеттле их встречает краснощекая женщина лет пятидесяти пяти. Она грузит их багаж в свой «Рэйндж Ровер», и они со свистом катят по Йоркширским долинам, пока не оста-

навливаются перед небольшим каменным домиком с освещенными окнами.

– Приехали!

Женщина заносит их чемоданы в дом, показывает Алексу, как включать-выключать отопление, камин, плиту. Рут смотрит в окно, недоумевая, где в этой глуши можно купить тампоны, которые понадобятся уже на этой неделе. В прошлом месяце она узнала, к своему ужасу, что практические аспекты менструации – деликатная тема для Алекса и его лучше не посвящать в детали.

Роуз, хозяйка дома, махнув им рукой, выезжает на узкую дорогу и, набирая скорость, мчится вверх по холму черт знает куда.

– Наконец-то мы одни. – Алекс спускает с плеча Рут рубашку и целует ее в шею.

В кухне Рут нарезает помидоры черри так, как ей велено. Сегодня готовит Алекс. Она ему помогает.

Разрезая помидорки пополам, она напевает себе под нос. Эту песню выбрал один из ее любимых писателей в выпус-

ке «Пластинок на необитаемом острове»³, который она слушала, пока принимала ванну. В какой-то момент Рут сознает, что в ее пение вторгается другая мелодия: это Алекс, обжаривая на огне перчики, тоже что-то мурлычет. Должно быть, начал он тихо, но потом незаметно для себя увлекся. Рут умолкает, прислушиваясь к его мотиву. Узнает дурацкую заставку из викторины, посвященной текущим событиям в стране и в мире. Эту программу он смотрел накануне вечером.

Она умоляла его не включать телевизор, просила, чтобы на время их короткого отпуска они оградили себя от всего мрачного.

– Дорогая моя девочка, нельзя полностью отгородиться от того, что происходит в мире.

– А я попробую!

Читая в спальне, она слышала, как Алекс хохочет на всю гостиную вместе со зрителями в студии.

Рут мотает головой, чтобы стряхнуть раздражение, и под пение Алекса продолжает молча нарезать черри.

³ Desert Island Discs – еженедельная программа на «Радио-4» (в эфире с 1942 г.), интервью с известным гостем и проигрывание выбранных им музыкальных дисков. Называется по одному из вопросов, которые задают участникам интервью: какие восемь пластинок вы хотели бы иметь с собой, если бы оказались на необитаемом острове? Аналогичный вопрос задают о книге и предмете роскоши.

Они садятся ужинать. На столе горит свеча. Приборы в этом доме, как ни странно, из серебра.

Когда они заканчивают, Алекс отодвигается от стола и предлагает ей пересесть к нему на колени. Она со смехом подчиняется.

– Итак, любовь моя, давай поговорим о тебе. Как ты себя чувствуешь?

– Объелась.

– Мне уточнить?

– Я чувствую себя прекрасно. Счастлива, что я здесь с тобой. И немного обеспокоена.

– Обеспокоена? Чем?

– Обеспокоена тем, что завтра по твоей милости мне придется прошагать много-много миль.

– Вот лентяйка. – Смеясь, он тычет ее пальцем в живот. – Хорошая прогулка тебе не помешает, мой пухленький поросенок.

Он водит пальцами по ее животу. Щекотно. У нее перехватывает дыхание. Она смеется.

Алекс откидывается на спинку стула, улыбаясь ей. Свет падает на его лицо справа, отбрасывая тень на ту его часть,

что находится ближе к ней. У нее екает в животе. До чего же он красив, даже усталый.

Она любит этого мужчину?

У нее сдавливает грудь.

– Я люблю тебя, Алекс.

Голос у нее сиплый, словно ей необходимо прочистить горло.

– Знаю, дорогая, я тоже тебя люблю.

У нее щиплет в глазах, они наполняются слезами.

Она начинает целовать его – жадно, страстно. Он целует ее в ответ, а слезы капают из ее глаз. Она подавляет всхлип и встает. Расстегивает на нем ремень, затем молнию на брюках. Он закрывает глаза. Она продолжает беззвучно плакать. Слез уже не остановить.

Рут отирает мокрое лицо тыльной стороной ладони.

Дыхание от напряжения затрудняется, на лбу проступает пот. Снова и снова она поднимается и опускается.

Снова и снова.

Забвенье, которое наступит вместе с оргазмом, заглушит голоса в голове.

Сотрет ощущение пустоты в животе, оставшееся даже после ужина.

Рассеет тень газеты, что она видела в поезде, и заголовок, от которого она отворачивалась.

Она знает, что, если растворится в нем, если оргазм вытеснит из головы все мысли, она забудется на несколько се-

кунд и слезы перестанут течь.

– Осторожно.

Она делает ему больно.

Она и себе делает больно. Но это самый быстрый путь к бегству от реальности.

Утром она соглашается отправиться с ним на прогулку. Чтобы угодить ему. Загладить вину за свои мрачные мысли.

Зашнуровывая походные ботинки, Алекс заверяет Рут, что ее кроссовки тоже вполне подойдут. Рут держит его за руку, слушается во всем. Так проще, думает она. Лучше не принимать решения: если что-то пойдет не так, отвечать не ей.

– Сюда.

– Шире шаг.

– Не отставай!

Ее успокаивает такое покровительство. Ей нравится, что ее опекают.

Под мелким дождем волосы Алекса курчавятся; он покраснелся и поэтому выглядит моложе. С чувством огромного облегчения она берет его за руку, когда он помогает ей

перебраться через перелаз на поле, где пасутся овцы. Она не думает ни о чем, кроме того, чем они заняты сейчас.

Алекс смешит ее. В шутку выступает от имени овец, выражая их суждения о людях, проходящих через их пастбище.

На обед они заходят в паб, в котором Алекс бывал прежде. Он заказывает им обоим по пинте пива и по завтраку пахаря⁴, не спрашивая, чего бы хотелось ей, словно читает ее мысли.

Рут наблюдает за ним. Он стоит у барной стойки – стройный, спина прямая. Непромокаемую куртку он снял, и видно, что футболка сзади, в том месте, где рюкзак прижимал ее к телу, промокла от пота. За обедом он рассказывает ей, как бродил по этим самым вересковым пустошам в прошлый раз. Она кивает, улыбается в нужные моменты. Довольно странно слушать, как он был в точно такой же поездке со своей бывшей женой, но Рут его не прерывает, ведь рассказывает он интересно.

Перед уходом, когда они уже надели куртки, собираясь выйти под серое послеполуденное небо, Алекс идет в туалет, и Рут, воспользовавшись случаем, прячет под скомканную бумажную салфетку на своей тарелке маринованный лук, к которому она не притронулась: если на обратном пути дойдет до поцелуев, запах изо рта будет совсем ни к чему.

⁴ Завтрак пахаря (ploughman's lunch) – дежурное блюдо в пабе, обычно состоящее из хлеба с сыром, свежими овощами и маринадами.

В субботу вечером они читают. Садятся в разных уголках небольшого диванчика, вытягивают ноги на середину, переплетают их, ступнями упираясь в живот, в грудь, в подмышку. На Алексее очки в тонкой оправе. Время от времени, не отрываясь от чтения, он наклоняется и целует ногу Рут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.